

ТЕРЕЗА РОМЕЙН

Леди-путовка

УЛА РМ

Тереза Ромейн

Леди-плутовка

Серия «Королевские награды», книга 3
Серия «Шарм (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43708112

Т. Ромейн. Леди-плутовка: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-112475-5

Аннотация

Изабел, леди Морроу, считалась в свете самой благопристойной молодой вдовой, однако под маской безупречности она скрывала не только пылкую натуру (о чем прекрасно знал брошенный возлюбленный, высокопоставленный офицер полиции Каллум Дженкс), но и страх позорного разоблачения – ведь ее муж, известный торговец картинами древних мастеров, в действительности продавал подделки, оставляя шедевры себе...

У Изабел созрел дерзкий план – заменить подделки подлинниками. Но как светской даме, совершенно не знакомой с криминалом, совершить серию столь странных «краж наоборот» и не попасться? Она вынуждена вновь обратиться за помощью к Каллуму и просить его содействия, – но какие условия он поставит женщине, которую страстно любит до сих пор?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	41
Глава 4	60
Глава 5	80
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Тереза Ромейн Леди-плутовка

Theresa Romain
Lady Rogue

- © Theresa St. Romain, 2018
- © Перевод. Т. А. Перцева, 2018
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Глава 1

Май 1818 года

Лондон

Возможно, Изабел не стоило просить дворецкого проводить офицера полиции Дженкса в гостиную. Именно гостиная была той комнатой, в которой сыщик полицейского уголовного суда восемнадцать месяцев назад впервые встретил Изабел, труп мужа которой лежал наверху, с пулевой раной в голове.

Ассоциации были не слишком приятными.

Но где еще они могли встретиться? Утренняя комната казалась ужасно унылой в конце дня, и к тому же Изабел никогда не нравилась висевшая на стене картина маслом, изображающая Вакха и его менад. Уж очень самодовольными были эти нагие нимфы, а вино, лившееся на них, казалось темным, как кровь.

Почему за все месяцы вдовства она так и не велела снять раздражающее ее полотно?

Просто ее не покидало чувство, что это по-прежнему дом Эндрю, а ведь картина была одним из самых ценных его приобретений. Наверное, поэтому она все еще висела на месте. Покойный Эндрю Морроу, арт-дилер и бонвиван, кутила и весельчак, имел твердое мнение относительно того, какие

картины, как и где нужно показывать публике.

Но после его смерти получилось так, что чем больше Изабел узнавала об этих картинах, тем меньше хотела иметь с ними дело.

Поэтому и послала за полицейским офицером Дженксом.

Последние из визитеров, посетивших ее в утро вторника (поток не прекращался весь день), распрощались совсем недавно, оставив после себя едва уловимые ароматы цветочных духов, легкие вмятины на сиденьях мягких кресел и случайные крошки на ковре.

Изабел еще не оставила привычку рассматривать комнату критическим взглядом Эндрю и вряд ли когда-нибудь оставит. Быстро взглянув на дверь гостиной – все еще закрытую, – она вскочила с кресла и подобрала все крошки с ковра. Ну вот, теперь под ногами снова мягкий, идеальный островок словно вплетенных в ворс цветов.

Изабел подошла к окну, отодвинула задвижку и выбросила крошки. Пусть остатки кексов леди Тисдейл накормят пару дроздов.

Несколько мгновений она позволяла весеннему ветерку щекотать лицо, после чего с сожалением окно закрыла.

И как раз успела вернуться на место, когда Селби постучал в дверь гостиной и, появившись на пороге, объявил о прибытии офицера.

Как только Дженкс вошел в комнату, дворецкий удалился, оставив Изабел наедине с посетителем.

– Офицер Дженкс, – приветствовала Изабел поднимаясь.

– Леди Изабел Морроу, – поклонился сыщик.

Они молча смотрели друг на друга, словно никогда не встречались раньше; словно офицер Дженкс никогда не расследовал убийство в этом доме; словно между ним и Изабел никогда не было романа...

Но стоит ли называть романом единственную встречу? Возможно, нет. Особенно потому, что все произошло в Воксхолле, где подобные интимные отношения были совершенно обычным делом.

Обычным, но только не для Изабел. Ни до этой встречи, ни после. Но в тот день у нее были веские причины забытья.

Усилием воли она вернулась к настоящему:

– Надеюсь, вам не пришлось ждать долго, прежде чем Селби пришел за вами.

– Вы прекрасно знаете, что ждать не пришлось. Наоборот, это я опоздал на семь минут.

Вечно он приводит ее в замешательство! Резкая прямота там, где уместнее было бы мягкое возражение.

– Верно, – кивнула Изабел. – Возможно, вам следует извиниться.

– А вы наслаждались бы моими извинениями?

В темных глазах загорелись веселые искорки, но губы так и не сложились в улыбку:

– Дамам всегда по душе некоторая покорность. Неужели вам будет неприятно попросить прощения? Если нет, непло-

хо бы выслушать извинения.

Он отвесил издевательски низкий поклон:

– Мои покорнейшие извинения, леди Изабел. Меня задержали на фальшивом аукционе.

– Фальшивом... что?

– Достаточно распространенное мошенничество, хотя такие аукционы обычно проходят вечером. Дневной свет – враг дешевых вещей, выставленных на продажу. При этом зазывалы набавляют цену за счет честных покупателей.

– И что вам пришлось сделать?

– Засунуть аукционеров в наемный экипаж и отослать к судье.

Таким бесстрастным тоном другой человек мог бы заметить, что вода мокрая.

– В таком случае я удивлена, что вы опоздали всего на семь минут. Но, пожалуйста, пусть это вас не беспокоит, офицер Дженкс.

Она снова опустилась на стул.

– Позвонить, чтобы принесли чай?

Интересно, полагается ли угощать чаем представителя закона? Этикет никогда не затрагивал подобных ситуаций. Возможно, правильный этикет вообще не имеет никакого отношения к представителям закона.

– Леди Изабел... – Он взял стул на противоположном конце комнаты, чтобы сесть лицом к ней. – Хотелось бы знать, почему вы послали за мной.

Он выглядел большим и неуклюжим на хрупком антикварном стуле из резного, выкрашенного в белый цвет дерева. Подобно Изабел он обладал средним ростом, но она была изящной и хрупкой и одевалась по последней моде. Каллум Дженкс же был воплощением решительности и непреклонности, и сегодня на нем были простой черный фрак и жилет, темно-желтые панталоны и почти черные сапоги. Галстук завязан простым узлом. Джентльмен или торговец? На первый взгляд сказать трудно. Изабел чувствовала себя рядом с ним абсолютно непрактичной в скромном полутраурном платье из серого муслина с темным узором. Рукава длинные. На запястьях узкие оборки. Темно-каштановые волосы уложены так, как диктовал модный журнал. Она производила впечатление воплощенной элегантности и хорошего вкуса, хотя удобным ее наряд не назовешь.

Изабел подавила нахлынувшее желание заерзать на стуле. Причина, по которой она позвала его, была еще более неудобной, чем платье, поэтому пришлось объясняться крайне осторожно.

– Я пригласила вас, – начала она, – потому что здесь можно говорить свободнее, чем в здании суда на Боу-стрит. Видите ли, я хочу нанять вас расследовать дело в частном порядке.

Он долго смотрел на нее, прежде чем ответить, потом поднял глаза к потолку, словно хотел пронзить его взглядом и увидеть комнату этажом выше.

– Речь не идет об убийстве, – добавила Изабел.

– Это куда предпочтительнее.

Когда он снова взглянул на нее, она не смогла сдержать улыбки. У Дженкса была привычка поджимать губы с таким видом, словно он хотел сказать еще что-то, но вовремя остановился, чтобы не проговориться. Только однажды ей удалось заставить Дженкса признаться, что у него на уме.

– Я лучше сначала покажу вам письма, – решила она вставая.

Учтивый, как настоящий маркиз, Дженкс немедленно поднялся.

В этой освещенной весенним солнцем гостиной с высокими потолками, большими окнами и любимой Эндрю элегантной антикварной мебелью было не так уж много мест для тайников. Стулья, маленький ломберный столик, арфа, на которой никто не играл, и фортепиано, на котором иногда играла Изабел.

Она подошла к фортепиано, сняла с верхней крышки ветвистый канделябр, несколько красиво разложенных романов и аккуратную стопку нот, подняла крышку и вынула лежавший на молоточках пакет.

– Позвольте, леди Изабел, – попросил тихо подошедший Дженкс и осторожно водрузил на место тяжелую крышку, после чего тщательно разложил снятые вещи по прежним местам.

– Вы наблюдательны, – похвалила Изабел. – Если они

сдвинуты хотя бы на дюйм, я съем все свечи в канделябре.

Указательным пальцем Дженкс молча сдвинул стопку романов дюймов на шесть и искоса глянул на Изабел.

– Явная лесть, – заметила та. – Значит, свечи останутся несъеденными.

– Жаль. Мне хотелось бы стать свидетелем такого зрелища.

Глядя на нее, он снова улыбнулся одними глазами.

– Так я должен увидеть письма?

– Да. Пожалуйста.

Она протянула связку, и пока он осматривал пакет со всех сторон, прежде чем поддеть пальцем восковую печать, стояла рядом. От него пахло крахмалом и угольным дымом, чистой одеждой и лондонским воздухом.

Она наблюдала, как он рассматривает бумаги в пакете. Писем было не много, и все не слишком длинные, однако каждое он читал несколько казавшихся бесконечными минут.

– Что вы думаете о письмах? – допытывалась Изабел. – Я от ужаса рвала на себе волосы, хотя потратила на чтение ровно вдвое меньше времени.

Он перевернул страничку, поднял к свету и прищурился:

– У вас осталось достаточно волос, чтобы блистать в обществе. Я на вашем месте не волновался бы.

– Как насчет писем?

– О них можете беспокоиться, если хотите.

Он вернул письмо в маленькую стопку и перелистал все.

– Итак, ваш муж, а потом и вы, постоянно переписывались с человеком по имени Батлер, который требовал денег за свою службу.

– Все это было так неожиданно! Сначала я посчитала, что это шантаж, хотя... – У Изабел перехватило горло. – Не знаю, чем меня можно шантажировать.

«Откуда Батлер все это узнал? Как вообще можно узнать, чем занимается или не занимается пара за закрытой дверью спальни?»

– Не знаете? – глухо спросил Дженкс.

– Абсолютно, – ответила она твердо. – И это так, потому что все написанное вовсе не было шантажом. Думаю, содержание именно таково, каким кажется при прочтении. Этот человек работал на моего мужа, а поскольку тот скоропостижно скончался, бедняге не заплатили за работу.

– Почему бы в таком случае просто не заплатить ему?

– Я заплатила.

Можно подумать, леди Морроу когда-нибудь отказывалась делать то, что от нее ожидали!

– Дело не в деньгах. Меня тревожит сама его работа.

– Судя по весьма туманному содержанию писем, занятие Батлера было не совсем законным.

– Это и верно, и неверно. В самой работе не было ничего дурного, а вот в том, что делал с ней Морроу...

Дженкс смотрел на нее, явно ожидая пояснений. Хотя вид

у него был непроницаемый, она чувствовала, что он недоволен ее ответом: подбородок упрямо выдвинут вперед, губы плотно сжаты, в темно-карих глазах ни тени улыбки.

– Если бы вы не смотрели на меня так грозно, я могла бы лучше объяснить, – пробормотала Изабел.

Дженкс изогнул бровь:

– Это единственное лицо, которое у меня есть. Простите, если оно вам не нравится.

– Я этого не говорила.

Прелестно.

Щекам стало тепло.

– Послушайте, давайте сядем.

Когда они снова устроились на стульях, она продолжила:

– Вам известно, что Эндрю... мистер Морроу торговал предметами искусства. Собирал их в Европе и дорого продавал аристократам и нуворишам.

– Да, я помню это из прошлого расследования.

Расследования смерти Эндрю.

Изабел набрала в грудь воздуха, ощущая, как шнуровка корсета врежется в ребра.

– Проблема в том, что Морроу не всегда отдавал клиентам предметы искусства, за которые они платили. Он отдавал им почти неотличимые полотна Батлера.

Дженкс все мгновенно понял:

– Так они занимались подделками!

– Да.

Странно, что прегрешения Эндрю она ощущала как собственные, даже через полтора года после того, как он оставил ее вдовой.

– В то время я ничего не знала. Полагаю, это поразительная наивность с моей стороны.

– Необязательно. Подделка предметов искусства не то деяние, которым хвастаются женам.

Временами немногословие Дженкса утешало.

– Итак, – уточнил он, – покойный мистер Морроу обманывал клиентов. А этот человек, Батлер, был соучастником?

– В первом я уверена, но не в роли Батлера, хотя его письма породили вопросы. И я не смогу спать спокойно, пока не найду ответы. Фигурально выражаясь, разумеется.

Впрочем, она и без этого давно не спала спокойно: совесть мучила при мысли о том, в какой лжи она жила.

– Письма написаны месяц назад, – заметил Дженкс. – Поскольку вы уладили дела с Батлером и нашли ответы, которые искали, в моей помощи нет нужды.

– Есть, – заверила Изабел, вскинув подбородок. – Я единственная досконально знакома со всеми деталями дела. Мне лучше судить, в чем я нуждаюсь, а в чем нет.

– Я никогда не утверждал обратное, леди Изабел.

Он смотрел ей в глаза на мгновение дольше, чем позволяли приличия. Ее губы медленно приоткрылись, тело затопило жаром. Она вспомнила теплый вечер в мае прошлого года, потаенный грот в Воксхолл-Гарденз... его руки на ее

грудях... его губы на ее шее... и не дававшее покоя раскаленное наслаждение, от которого оба задохнулись.

Она не могла забыть его поцелуи, медленные, сладостные, жесткие и требовательные. Сейчас, в этой тихой комнате, трудно было поверить в то, что все было на самом деле.

Она посмотрела на свои лежащие на коленях руки со сплетенными пальцами. Туго сплетенными пальцами. Руки порядочной вдовы.

Леди Изабел Морроу, которую знал лондонский свет, была учтивая. Спокойна. Грациозна. И места занимала ровно столько, сколько было необходимо. Только Дженкс видел ее иной – в момент слабости сразу после смерти Эндрю и несколько месяцев спустя – в блаженном забытии той ночи в Воксхолле.

Она скучала по той Изабел. Честной. Неосмотрительной. Но это был только момент слабости в ее тщательно организованной жизни.

Прежде чем она успела ответить, в комнату вошел лакей с чайным подносом. Хотя Изабел не приказывала принести чай, Селби всегда строго соблюдал правила вежливости.

За слугой трусил бигль, который затем деловито обошел все: от чайного столика до ножек стульев, – прежде чем обнюхать сапоги Дженкса.

– Вы приобрели сторожевого пса, – заметил Дженкс, когда лакей поставил поднос.

– Это Бринли, – пояснила Изабел, – и сторожевой пес из

него никудашный. Он, конечно, лает, но любит всех так, что скорее разбудит дом, приветствуя своего, чем обратит внимание на чужого. И подлизывается к мальчишке-посыльному точно так же, как к своей хозяйке.

Словно в доказательство правдивости ее слов, Бринли запрокинул голову и разразился протяжным воем. Дженкс оглядел собаку – крепкого маленького бигля с темно-коричневой шкурой и вечно виляющим хвостом. Длинные каштановые уши были постоянно насторожены, что придавало ему выражение любопытства.

Дженкс почесал голову песика, отчего тот сразу высунул язык и принялся ритмично колотить хвостом по его сапогам, словно выбивал барабанную дробь.

Расставив чашки и чайник, лакей поклонился. Эндрю всегда требовал, чтобы слуги соблюдали все правила этикета, и даже нанимал ливрейных лакеев для каждого званого ужина.

– Простите, что позволил псу ворваться сюда, миледи. Сейчас я его заберу.

– Спасибо, Дуглас. Отведите его к мисс Уоллес.

Едва лакей схватил Бринли за кожаный ошейник, как тот со скорбно-обвиняющей миной уставился на Изабел: «Ты меня отсылаешь? Меня, лучшего сторожевого пса Англии?»

– Глупый щенок, – вздохнула Изабел, поднимая с блюда бисквит и бросая песику, который поймал его на лету.

Пришлось подчиниться лакею, который уволок его из комнаты, но на прощание он издал еще один вопль.

Дженкс проводил его глазами и, когда дверь закрылась, обратился к Изабел:

– Хорошая собачка.

– Да. Выбракованный малыш, один из всего помета. Мой брат держит свору охотничьих собак. Вместо того чтобы утопить, лорд Мартиндейл предложил его мне.

– Счастливый парень этот ваш Бринли.

– Скорее уж это я счастливая, – покачала головой Изабел – После смерти Морроу были дни, когда Бринли был почти единственным моим компаньоном. Очень многие не знали, что сказать вдове, и поэтому писали уклончивые, полные банальностей письма и предпочитали держаться подальше.

Даже сейчас визитеров было меньше, чем до смерти Эндрю.

Возможно, это даже к лучшему. Изабел была шокирована смертью мужа, но не слишком жалела о своем вдовстве, и потому не могла допустить, чтобы кто-то догадался о таком вероломстве по отношению к усопшему. Эта мысль заставила ее вспомнить о причине сегодняшней встречи с Дженксом.

– Прошу прощения за вторжение пса, офицер. Припоминаю, что вы спросили, почему я позвала вас, если уже нашла ответы. Видите ли... мне нужна ваша помощь в не совсем законном деле. Но все равно оно праведное.

После того как она договорилась, Каллум долго смотрел на нее. На форму губ. На цвет глаз. У него была прекрасная

память на лица, и он считал ее глаза карими, но сейчас они были зеленовато-карими.

Изабел вскинула брови, ожидая ответа – единственного, который он мог ей дать, даже несмотря на то, какой красавицей она была, когда улыбалась.

– Простите, но вынужден отказаться, миледи. Моя должность – офицер полиции – не позволяет принимать участие в чем-то, как вы выразились, не совсем законном.

– Понимаю. Но это один из тех редких случаев, когда законность и праведность не одно и то же.

И верно, случай редкий. Но и такое бывает. Как только разговор будет закончен, Дженкс поедет в Ньюгейт именно по такому делу.

Это все решило.

– Хорошо. Расскажите мне.

– Если я расскажу, вам придется либо помочь мне, либо забыть о том, что сейчас произойдет.

Она была темноволосой, немного худой и бледной той бледностью, которую богатые женщины сохраняют с помощью зонтиков. Впрочем, хрупкой она не казалась и сидела прямо, как каменная колонна, одетая в серое платье.

– Этого я обещать не могу, – покачал он головой.

– В таком случае мне придется найти кого-то другого. Простите, что потратила ваше время и оторвала от столь важного фальшивого аукциона.

Она начала подниматься, но он протестующе вытянул ру-

ку:

– Леди Изабел, подождите, пожалуйста. Вы попали в беду?

– Нет. По крайней мере, я так не думаю. – Она снова села и пригладила и без того гладкие волосы: – Вернее, хотелось бы так думать, но на самом деле я затеяла все это ради Люси.

– Кто такая Люси?

Леди Изабел нервно повертела на пальце обручальное кольцо, которое носила до сих пор.

– Люси – это мисс Уоллес, о которой я упоминала, подопечная моего мужа. После его кончины опекунство перешло ко мне. У Морроу было очень мало родственников, поэтому он завещал ее мне, вместе с домом и остальной собственностью.

– Он завещал вам живого человека?

Каллум не встречал Эндрю Морроу при жизни, но, так или иначе, сделанное им невыносимо.

– Да. Но даже если бы и не завещал, я бы все равно хотела остаться с ней. Она приехала к нам за год до смерти Морроу и стала мне кем-то вроде сестры. Или дочери. Но для того, чтобы быть первой, она слишком молода, а для того, чтобы быть второй, – слишком стара. Возможно, я некто вроде тетки.

Она с улыбкой расправила оборки на запястьях.

– Простите. Пора бы уже разлить чай. Вы пьете с сахаром?

– Забудьте о чае. Расскажите о вашей подопечной.

– Хорошо. – Она оставила в покое чайник и продолжила: – Откуда начать? Насколько я знаю, Эндрю был ее троюродным братом, хотя истинная причина, почему именно он стал опекуном, разумеется, его деньги, которые когда-то были моими и сейчас опять перешли ко мне.

Изабел говорила спокойно, тщательно подбирая слова, но что, если она сбросит оковы учтивости и выложит все, что у нее на уме? Каллуму оставалось надеяться, что в этот момент он окажется рядом.

– Но каким образом мисс Уоллес замешана в потенциально незаконное и все же морально праведное дело?

– Никаким, и пусть так и останется. Люси всего восемнадцать, и в этом году состоялся ее дебют в обществе. Я хотела бы, чтобы она сделала достойную партию. Но если она будет замешана в скандале...

– Понимаю. Скандал не часто идет рука об руку с достойной партией, – сухо заметил Каллум.

– Значит, видите, в чем мои затруднения. Вся эта история должна оставаться тайной, даже от Люси. Я заплачу за вашу помощь. Пожалуйста, офицер. Я знаю, что сыщики с Боу-стрит...

– Офицеры полиции.

– Хорошо, офицеры полиции. Я знаю, что они занимаются частными расследованиями. А я бы предпочла работать с тем, кого знаю.

В этом она права. Многие офицеры имели основной доход

с частных расследований, хотя и в полиции получали небольшое жалованье.

Но Каллум никогда не брался за дело исключительно ради денег. Он всегда хотел, чтобы торжествовало правосудие.

Глубокие озера ее глаз притягивали его, возвращая воспоминания, которые он все это время старался забыть: воспоминания о горящих лампах, похожих на упавшие на землю звезды, яркие на фоне чернильно-черного неба, о гладкой коже, которую так приятно обнажать, гладить, ласкать.

Но вряд ли это имеет значение сейчас.

В конце концов, решающим оказалось слово «работа». Каллум не мог помочь ей по сентиментальным причинам: не мог принять участие в чем-то аморальном, – но если это дело праведное и просто работа, возможно, он согласится.

– Хорошо, я подумаю. Расскажите мне все, особенно незаконные детали и праведные подробности.

– Спасибо. – Она позволила себе прикрыть глаза, словно вздохнула с облегчением. – Незадолго до смерти муж продал герцогу Ардмору картину кисти Боттичелли.

– Боттичелли кисти Боттичелли? Или Боттичелли кисти Батлера?

– Это главный вопрос, и вы задали его на удивление вовремя. Офицер Дженкс, боюсь, это писал Батлер. И теперь герцог собирается продать его Анджелесу, чтобы покрыть игорные долги.

– Анджелесу? – Каллум вскинул брови. – Не совсем обыч-

ная компания для герцога.

Он не ожидал услышать в этой элегантной гостиной имя пресловутого хозяина криминального дна. И все же в какой аристократической семье нет отпрысков с пристрастиями к играм и скачкам, куртизанкам или боксу? Анджелес обладал такой же властью в преступном мире, как лорд Ливерпул в парламенте или герцог Ардмор в высшем обществе. Леди Изабел, должно быть, узнала о существовании главного преступника раньше, чем Каллум.

– Если это произойдет, – продолжила она, – и Анджелес обнаружит, что получил ничего не стоящую подделку, то придет к герцогу за деньгами. А герцог легко вычислит, кто его обманул, и репутация Морроу будет...

Она осеклась.

– ...точно известна, – закончил фразу Каллум.

Многие собеседники терпеть не могли эту его привычку договаривать за них.

– Да, – согласилась леди Изабел, застав его врасплох. – Совершенно верно. Но Люси тут ни при чем, а это положит конец всем ее ожиданиям.

На брачном рынке светского общества борьба была почище, чем на Эпсомских дерби, если верить сатирическим листкам, ненавидимым, но раскупаемым высшим светом. Небольшой скандалчик – это не всегда плохо, если речь идет о большом состоянии и голубой, как крыло сойки, крови. Но вряд ли подопечная арт-дилера обладает тем или дру-

гим.

– И у вас уже есть план, как защитить подопечную, не так ли? – осведомился сыщик.

– Совершенно верно. Я не смогла позаимствовать картину у Ардмора, несмотря на то что объяснила свою просьбу самыми сентиментальными причинами. Значит, остается одно... – Она опять переплела пальцы и подалась вперед, пронзая его взглядом зеленовато-карих глаз. – Прежде чем герцог отдаст картину Анджелесу, нужно, чтобы вы помогли мне ее украсть.

Глава 2

Тюрьма Ньюгейт – весьма неприятная замена роскошному дому леди Изабел на Ломбард-стрит, не говоря уж о том, что заключенный сэр Фредерик Чаппл далеко не столь очаровательный компаньон, как прелестная вдова Эндрю Морроу.

Но поскольку Дженкс – полицейский, его первейший долг – выполнять служебные обязанности. Сейчас главное – тюрьма и заключенный: не аристократка, не обманутый герцог, не Боттичелли.

– Я вам не помощник, – объяснил он леди Изабел перед уходом, – поскольку должен быть на стороне закона и не имею права вторгаться в дом герцога, а уж тем более похищать его собственность.

– А если поменять картину на более дорогую вещь?

– Леди Изабел! На карте стоит моя карьера!

Она выглядела такой разочарованной, что он добавил:

– Вам нет необходимости работать со мной. Вы сами можете решить проблему. Только поразмыслите, что сделал бы сыщик.

Она надолго задумалась, потом сказала:

– Собрал бы улики, то есть информацию... Если мы хотим поменять картину, нужно знать, где она, как оформлена и как прикреплена к стене.

«Мы». Ему понравилось, как прозвучало это слово из ее уст.

– Не стоит столь поспешно говорить «мы», – заставил себя поправить Дженкс. – Но да: именно так и следует действовать.

Он встал, приготовившись уйти.

– И я забуду все, что слышал: про картину и ваш план.

– Какой план? – с невинным видом спросила она, хлопая ресницами, но тут же, улыбнувшись, добавила: – Спасибо, что уделили мне время, офицер Дженкс.

Теми же вежливыми словами закончилась их встреча восемнадцатью месяцами ранее, когда расследование гибели Эндрю Морроу было неожиданно закрыто.

Дело беспокоило Каллума с той минуты, как он впервые взглянул на тело. Пулевое ранение в голову можно было счесть убийством или самоубийством в зависимости от того, кто держал пистолет и кто нажал спусковой крючок. Пуля... Без вскрытия трудно сказать что-то наверняка: была ли смерть Морроу самоубийством? Или кто-то после выстрела вложил пистолет в руку жертвы?

Хоть Дженкс и доложил начальству о своих сомнениях, расследования не было. Влиятельные родственники леди Изабел обеспечили молчание coronера и судьи. Скандал с возможным самоубийством был предотвращен, неприятная возможность убийства была задушена в самом зародыше. Эндрю Морроу похоронили в освященной земле, а в над-

писи на надгробном камне он был назван возлюбленным мужем.

Каллум не поверил надписи, а еще больше не поверил тому, что леди Изабел помешала свершению правосудия, но как только дело было закрыто, никто больше не спрашивал совета на Боу-стрит. Дженкс тем не менее время от времени задавался вопросом, что же произошло на самом деле.

Не без сожаления попрощавшись с ее милостью, он направился к тюрьме Ньюгейт. Идти было недалеко: от роскоши и богатства Ломбард-стрит до бедности и убогого окружения Ньюгейта было меньше мили, если прогуляться по оживленному Чипсайду.

Здесь были лавки продавцов тканей, модисток, галантерейщиков, шляпников, мануфактурщиков. Дженкс шагал мимо бесчисленных витрин, в которых были аккуратно выложены товары. Шляпа его была немодной, одежда – простой, но то же самое упрямство, не позволявшее ему нанять кэб, не давало и поглазеть на фетровые и касторовые шляпы с высокими тульями и сверкающие сапоги. Если он не нуждался в чем-то, значит, не покупал, не нанимал, не ел. Жизнь для него заключалась в работе и экономии.

Он и сам пока не решил, на что откладывает деньги. Просто знал: когда-нибудь он захочет чего-то, возможно, даже сильнее, чем каждый день видеть торжество правосудия, – а если потратить сбережения на сверкающие сапоги, у него просто не будет шанса реализовать свои желания.

И все равно он думал о сверкающих сапогах, о шляпе с высокой тульей, о пальто с многослойными пелеринами. Если он будет больше похож на богатого джентльмена из тех, с кем леди Изабел постоянно сталкивалась в обществе, посмотрит ли она на него другими глазами? Обратится ли к нему как-то иначе, чем «офицер Дженкс» – это постоянное напоминание о том, что она терпит его общество лишь благодаря его профессии?

В голове Каллума роилось так много вопросов, притом совершенно бесплодных, что он почти обрадовался при виде мрачного каменного куба, именовавшегося тюрьмой Ньюгейт.

Знавшие Дженкса охранники пропустили его без сопровождения, поскольку им было известно, зачем он здесь. Ему следовало бы держаться подальше от этого места, но он не мог, потому что стремился узнать правду. А завтра сэръ Фредерик Чаплл, адвокат, баронет, обвиняемый в дерзком ограблении Королевского монетного двора, предстанет перед судом Олд-Бейли.

Невероятно приятно будет увидеть, как Фредди – так баронет просил всех себя называть, – наконец будет вынесен приговор.

За толстыми тюремными стенами теснились камеры. Они окружали центр тюрьмы, представлявший собой колодец от первого до последнего этажа. Здесь стоял ужасающий шум: голоса звали кого-то, молили, ругались: каждый звук отска-

кивал эхом от бесконечных каменных углов и плоскостей. Свет лился откуда-то сверху, слишком много света, чтобы скрыть следы грязи и небрежения, но недостаточно, чтобы казаться настоящим дневным светом.

Воздух, несмотря на холод, был сырым и тяжелым, и к тому времени как Каллум добрался до нужного коридора, липкий пот уже заполз под галстук. Каллум нетерпеливо дернул за него, зная, что баронет заметит любую вмятину в крахмальной ткани. Сэр Фредерик придавал огромное значение внешности и производимому впечатлению, поскольку сам был мастером и в том и в другом.

Сэр Фредерик много месяцев жил в Ньюгейте в ожидании суда, но для него это было недостаточным наказанием. Его камера находилась в государственном отделении тюрьмы, где условия содержания были лучше. Тюремщиков можно было подкупить, и тогда они приносили все, что просил узник, и в результате грязь, отбросы и вши не добирались до входа в камеру сэра Фредерика, такую же кирпичную коробку, как все остальные, с решеткой вместо двери и единственным оконцем под самым потолком, зато с покрытым тканым ковром, тонким, но приятным глазу, полом. В углу стояла разрисованная цветами ширма, поверх которой едва виднелась висевшая на крючках одежда из дорогой ткани. Полка в другом углу была уставлена разнообразными бутылками, вне всякого сомнения, полными дорогих вин, если учитывать тонкий вкус сэра Фредерика. Обычный тюремный топ-

чан был застелен прекрасным бельем и толстым покрывалом.

На топчане в этот момент отдыхал сэр Фредерик, в китайских домашних туфлях и с книгой в руках. Едва тень Каллума упала на книгу, сэр Фредерик ее захлопнул и обрадованно воскликнул:

– Офицер Дженкс! Я так и думал, что увижу вас сегодня. Но вы пришли позже, чем я ожидал.

Очко в пользу баронета.

Каллум нахмурился:

– У меня есть и другие дела, сэр Фредерик, поважнее, чем ваше.

– Ха! Вздор! Я знаю, как старательно вы расследуете мое дело.

Будь он проклят: еще одно очко в его пользу.

Сэр Фредерик неуклюже приподнялся и сел. До ареста он всячески потакал своим желаниям, и тюрьма его не изменила.

– Прошу прощения, что не предложил вам стул, офицер, но его здесь попросту нет.

– С чего это вдруг извиняетесь?

Каллум, так и не сняв свою широкополую шляпу: в конце концов, это не визит вежливости, – устремил на баронета сквозь прутья решетки жесткий взгляд.

– Ну я же хозяин камеры. Знаю, в прошлом у нас были разногласия, но...

– Вы здесь не хозяин, а заключенный! – оборвал его Каллум, раскачиваясь на каблуках. – Поэтому я и пришел к вам сегодня. Если бы вы не увидели меня до завтрашнего заседания суда, наверняка были бы чересчур взволнованы, чтобы дать правдивые показания.

Очко себе? Возможно.

– Вы очень заботливы, но могли бы и не трудиться: никакого заседания завтра не будет.

– Что?!

Еще одно очко в пользу баронета. Даже если он лжет, все равно своего добился: у Каллума отвисла челюсть.

– Четвертый сообщник сегодня днем был найден мертвым: перепил, бедняга, и свалился как раз у стен тюрьмы. Я слышал это от одного из охранников.

Сэр Фредерик сделал благочестивую мину.

– Они не могли опознать тело. Я, естественно, посчитал своим долгом помочь и попросил охранников описать мертвеца – так и узнал, о ком идет речь.

– Как раз за день до начала процесса вам удалось найти новое свидетельство в деле. Как удобно!

Очко следовало бы присвоить себе, но баронет, похоже, изменил правила.

– Да, очень вовремя.

Заключенный с трудом поднялся, опираясь о стену камеры, подошел к угловой полке, взял с нее бутылку и принялся рассматривать:

– Мадера? Думаю, да. Мадера – это замечательно. Предложил бы и вам, но, как вы верно заметили, я не хозяин в этой камере.

Мерзко хихикнув, он поднял бокал, посетовал, что форма не подходит для напитка, и налил себе щедрую порцию. Сделав глоток, подержал вино во рту, проглотил и, причмокнув мясистыми губами, заметил:

– Не так хороша, как та, что я пивал в Нортумберленде, но...

– Имеете в виду мадеру из того бочонка, где лежало украденное золото?

– ...но, бьюсь об заклад, лучше той, к которой привыкли вы. И достаточно хороша, чтобы отпраздновать выход из тюрьмы. Теперь уже с минуты на минуту. Мой адвокат приводит все необходимые аргументы и делает необходимые распоряжения.

Каллум скрипнул зубами. Так много очков в пользу сэра Фредерика! Собственно говоря, все очки. Баронет, богатый и совершенно лишенный совести, вел нечестную игру, а Дженкс не мог уравнивать ставки.

Впервые они встретились в прошлом году, когда Каллум вел расследование скандального ограбления Королевского монетного двора. Шесть сундуков тогда еще не пущенных в обращение золотых соверенов были похищены преступным квартетом. При этом были убиты четыре охранника, и среди них – Гарольд Дженкс, старший брат Каллума.

После похорон скорбь едва не задушила его. Подобно гончей, что преследует лису, он преисполнился решимости найти убийц и получил приказ от суда королевской скамьи найти монеты, где бы они ни были. За раскрытие была обещана большая награда.

Дженксу плевать было и на награду, и на украденное золото: он хотел найти убийц Гарри и других охранников, но он понимал, что преступники там, где золото, а золото было проследить легче, чем простые слухи.

В конце концов, и следы, и слухи привели Каллума в Нортумберлендское поместье сэра Фредерика Чаппла. Недавно получивший титул Чаппл обладал куда большим богатством, чем можно было ожидать от бывшего адвоката.

Каллум с нежелательной, но не совсем бессмысленной помощью лорда Хьюго Старлинга, сына герцога Уиллингема и находчивой мисс Джорджетт Фрост, отыскал достаточно улик, чтобы определить, что четыре вора, называвших себя Джонами Смитами, предали друг друга. Они отвезли золото в Дербишир, после чего одного подельника бросили, а трое других забрали по сундуку с золотом и скрылись. Четвертый потом был пойман в Дербишире. Один из троицы был убит сообщниками, а золото увезли на север. Там его обнаружили в поместье сэра Фредерика – какую-то часть расплавили в кузнице, остальное было спрятано в огромной бочке с мадерой.

Один из фермеров Чаппла, несомненно, был виновен. Его

арестовали, приговорили и сослали в Австралию. Дженкс до последнего боролся, чтобы его не казнили, а выдворили за пределы страны, – и так слишком много народу уже погибло за это золото.

В том, что сэр Фредерик замешан в преступлении: либо как один из четверки, либо как организатор ограбления, – сомнений не было. При аресте он едва не застрелился, но его убедили успокоиться, вспомнить о долге гражданина, искупить вину, сделав все, чтобы правосудие восторжествовало. К сожалению, одиннадцать месяцев, проведенные сначала в Нортумберлендской тюрьме, потом в Ньюгейте, похоже, заставили его изменить мнение.

Всем было известно, как тянут в Олд-Бейли с рассмотрением дел. А важность дела, к тому же связанного с королевской наградой, обещанной за возвращение национального сокровища, еще больше замедлила колеса правосудия. Показания повторялись, разбирались и снова повторялись. Свидетели вызывались, допрашивались защитой и обвинением. Никто не мог позволить себе совершить ошибку.

Кроме сэра Фредерика. Он мог позволить себе все. Даже труп, чтобы свалить на него вину.

Ледяной, окончательно отчаявшийся Гарри Дженкс переворачивался в гробу.

– Почему сейчас? – спросил Дженкс. – Почему не месяцы назад, сэр Фредерик?

«Я знаю, что ты лжешь, и ты знаешь, что я знаю. Но поче-

му ты не солгал в прошлом июне, чтобы избавиться от тюрьмы?» — означал его вопрос.

— Я чувствовал себя морально... виновным, — ответил баронет, и Дженкс впервые поймал в его взгляде отблеск искреннего чувства.

Но вот он поднес к губам бокал, осушил, и мгновение пролетело.

— И все же Джоны Смиты не собирались никого калечить, а тем более убивать! — заявил сэр Фредерик, со стуком поставив пустой бокал на стол. — И вообще кто сказал, что это я подбил Джонов Смитов на преступление? Возможно, это было всего лишь предположением.

— Вы же сами признались, что были организатором.

— У вас есть доказательства?

Баронет казался искренне сбитым с толку.

— Это слышали все, кто там были. Включая сына герцога.

— Вы о лорде Хьюго Старлинге? — пробормотал сэр Фредерик.

Каллума так и подмывало вырвать решетку и выбить баронету зубы.

— Но сейчас он не здесь. Где-то на севере Англии... или в Шотландии? Что-то в этом роде. У него там коттедж. Довольно приятное жилище, как мне говорили, и...

— Мне нет дела до его коттеджа! — процедил Каллум.

Он был уверен, что Чаппл входил в преступную четверку, но сам он не сознавался, а доказательств не было. Правда,

украденное золото было возвращено на Королевский монетный двор. Лорд Хьюго потребовал награду за найденное на севере золото, а заодно и приобрел прекрасную репутацию серьезного доктора, но Дженкс потребовал от судьи с Боу-стрит дальнейшего расследования. Он не хотел ни славы, ни известности – только правосудия, чтобы отомстить за брата. Гарри был на десять лет старше и научил его играть в карты, пить не пьянея и распознавать согласие в глазах женщин. Каллум обожал Гарольда.

– Он был помолвлен, – проговорил Каллум. – Мой брат Гарри, которого убили во время ограбления. Вряд ли вы знали об этом. У всех четверых охранников была своя жизнь и были те, кто их любил, полагался на них.

– Ужасная трагедия. Я постоянно вам твержу, что вовсе не собирался никого убивать. Разумеется, я виноват, но лишь в том, что поощрял планы молодых преступников. Да я уже говорил об этом.

Баронет едва ли не с любовью говорил о ворах, словно не был одним из них, словно они неразумные дети, а не взрослые мужики уже за тридцать.

Когда-то сэр Фредерик был директором исправительной школы для бездомных лондонских мальчишек и, подобно Каллуму, который никогда не забывал раз виденное лицо, помнил всех учеников, имевших склонность к мелким преступлениям. Сам он, как адвокат, был выше подозрений, а как баронет – тем более: даже когда в его винном подвале

нашли украденные золотые монеты, даже если бедняка приговаривали к смертной казни за кражу еды.

– Вы чертов лжец, – сказал Каллум бесстрастно, абсолютно спокойно, просто констатируя факт.

– Бросьте, офицер.

Сэр Фредерик шагнул к решетке. Шелковые домашние туфли выделялись кроваво-красным пятном на фоне ковра.

– Не можете же вы ожидать, что ни в чем не повинный человек подвергнется тяжелому испытанию судом, в то время как все это дело можно легко уладить?

– Ни в чем не повинный? По вашему собственному признанию, это далеко не так.

– Ужасно выглядите. – Еще один шаг к решетке. – Вам бы следовало выпить, офицер. Если найдете гостеприимного хозяина.

Гарри налил бы ему. И наливал. В последний день рождения брата Каллум водил его по пабам до тех пор, пока он, обычно спокойный, не развеселился до такой степени, что вскочил на стол и завел пьяную песню.

Каллум сорвал с головы шляпу и стал немилосердно мять поля, только чтобы не взорваться.

– Вы не ускользнете от суда. Я позабочусь, чтобы вы сидели на скамье подсудимых за все причиненное зло.

– Ничего не выйдет, – добродушно улыбнулся сэр Фредерик. – Я уеду в Нортумберленд, а вы вернетесь к своей работе: опять приметесь нарушать покой добрых жителей Лон-

дона.

– Ловить негодяев, – буркнул Дженкс.

Ему было что добавить, просто не находилось слов, и Каллум, прищурившись, отступил на шаг. Еще на шаг, потом еще, не сводя глаз с сэра Фредерика, словно хотел удержать его в камере.

Как только камера потерялась среди рядов себе подобных, и баронет уже не мог его видеть, Каллум круто развернулся и пустился бежать, не обращая внимания на шум и издевательские вопли удивленных узников и даже недоуменные восхищения охранника, впускавшего его в тюрьму.

Пролетев мимо череды камер, Дженкс вырвался из ворот тюрьмы и помчался по улицам на юг, завернул за угол оживленной Флит-стрит, достиг Стрэнда, но и там не остановился, а на бегу стал проталкиваться через толкучку, петляя между транспортом и пешеходами, соскакивал с тротуара на мостовую и обратно, когда видел просвет между экипажам.

Мчаться, мчаться, пока горящие легкие не напомнят, что он еще жив, пока не отяжелеют ноги в сапогах, напомнив, что пока еще ходит по земле. Бежал он ради Гарри и, буквально ворвавшись на Друри-лейн, пропыхтел последний отрезок знакомой дорожки, ведущей к магистратскому суду на Боу-стрит: мозгу и совести Ковент-Гардена и всего, что находилось за ним, поскольку заседавшие здесь полицейские расследовали дела и наказывали разоблаченных преступников.

Каллум распахнул дверь здания и оглядел знакомый зал суда. Перила, столы, сиденья. Коллеги, допрашивающие свидетелей. Мелкие преступники, протестующие против задержания. И на самом верху – скамья магистрата. За ней виднелась открытая дверь тесного кабинета. Каллум прошел мимо сослуживцев, едва передвигая уставшие ноги, и окликнул:

– Фокс!

Силы вдруг оставили его, и он согнулся, чтобы отдышаться, а к тому времени как выпрямился, главный магистрат вышел из-за стола и подошел к нему. Огастес Фокс – сильный, крепкий и невероятно осмотрительный, с седеющими волосами, траурно-черными бровями и голосом, не допускавшим возражений, – был чуть выше Каллума, сейчас стоял, чуть согнувшись.

– Дженкс! – Его обычно звучный голос сейчас прозвучал глухо. – Значит, вы уже слышали?

– Я только... из Ньюгейта. – Кажется, ему не хватало воздуха. – Процесс сэра Фредерика... Он сказал...

– Дело закрыто. Мне очень жаль... – Магистрат положил тяжелую руку Каллуму на плечо. – У него влиятельные друзья, а у нас недостаточно доказательств. Мы больше не можем держать его под арестом.

– Но он сам утверждал, что убитый участвовал в ограблении монетного двора...

– Таким образом он пытался сохранить лицо. У нас есть на кого возложить вину, а он выйдет из тюрьмы.

Каллум стряхнул руку магистрата:

– Вы же знаете, что все это ложь!

– Я ничего не могу знать без доказательств. И вы тоже. –

Фокс выпрямился и, блеснув голубыми глазами, в упор посмотрел на Каллума. – Простите меня, Дженкс, но нам придется его отпустить.

И как он может допустить это? Или просто должен забыть, что его брат убит? И что преступник выйдет на свободу?

– Принимайтесь за новое дело, – посоветовал Фокс. – Позаботьтесь о том, чтобы правосудие торжествовало как можно чаще. – Опять присмотревшись к Дженксу, магистрат выдавил улыбку: – Нашу подругу Джейни в очередной раз обвинили в воровстве. Может, вам поговорить с ней? Посидите несколько минут, отдышитесь.

– Да, – кивнул Каллум, – верно. Конечно.

Подождав, пока Фокс отвернется, он вышел из здания суда. Нет, он не станет говорить с Джейни, карманницей и полицейским осведомителем, которую приводили в суд раз в неделю. Нет, он не станет ждать, пока освободят сэра Фредерика! Нет, нет и нет!

И все же, как он устал – и телом и духом...

Дженкс прислонился к шершавой каменной стене и закрыл глаза. Он устал от богатых, плативших за то, чтобы скрыть правду; устал отказываться от дел, вопросов, на которые не было ответов, нераскрытых смертей; устал видеть, как перехватывают руку правосудия, как наказывают бедня-

ков, а богачи остаются безнаказанными.

Взбешенный, Каллум пнул стену, добавив еще одну царапину на мыске и без того поношенного сапога.

Черт! Черт! Будь все они прокляты! И будь он сам проклят за то, что позволил надеть на себя наручники, как преступник, за то, что не сумел помочь, сделать то, что правильно: не позволить вору улизнуть!

Голубой цвет неба сгустился до синего, но до заката оставалось еще несколько часов: дни начала лета тянутся порой бесконечно, – и пока не стемнеет окончательно, представители модного лондонского общества будут сидеть по домам. Они скорее вернутся с пирушек после восхода, чем выйдут из своих особняков до заката, а это означает, что у него есть время вернуться на Ломбард-стрит, если его измученные ноги одолеют дорогу. Сэр Фредерик не единственный, кто сумел обойти закон: родственники и покойный муж леди Морроу тоже подкупили так называемое «правосудие», – и теперь леди Изабел хотела исправить содеянное мужем: восстановить справедливость, преступив закон не ради выгоды, но ради истины.

После свидания с сэром Фредериком это для Дженкса значило куда больше, чем после разговора с леди Изабел.

Он проклянет закон вместе с тем, что уже проклял, только однажды, ради возможности увидеть торжество справедливости, пусть это возможность и ничтожно мала.

Дух Гарри Дженкса забылся беспокойным сном.

Глава 3

Изабел никак не ожидала, что Каллум Дженкс когда-нибудь вернется в ее гостиную, и все-таки он пришел в тот же день – правда, уже ближе к вечеру.

– Я помогу вам, леди Изабел, – выдавил сыщик, – но мы сделаем это по-моему.

Дженкс выглядел помятым, по краям его рта залегли угрюмые морщины, и Изабел обеспокоенно спросила:

– Что заставило вас передумать? Впрочем, неважно: это не имеет значения. Вы сказали, что поможете мне, и я постараюсь сделать все, чтобы вы смогли сдержать слово.

– Но вы готовы делать так, как я скажу? – резко спросил Дженкс.

– Вас что-то рассердило, – заметила леди Изабел.

– Да, но вы здесь ни при чем, – признался сыщик.

– Рада слышать. Я сделаю, как вы скажете, если посчитаю это правильным. Если же нет, то сообщу вам об этом.

Мужчина прищурился. Женщина ответила тем же.

Наконец напряжение стекло с его лица, и Каллум облегченно вздохнул:

– Конечно, миледи. Это разумно.

Если бы только она говорила так же откровенно с Эндрю!.. Впрочем, это невозможно: им бы и в голову не пришло рассуждать о помощи. Собственно, каждый сам выбирает, про-

сдать ему помощи или нет. Изабел куда лучше была знакома с долгом, кузенком помощи, который послушно исполнял все возложенные на него обязанности.

– Спасибо за возвращение и согласие помочь. Хотя вы и посоветовали мне подражать действиям сыщика, я не совсем понимала, что делать дальше.

– А сейчас?

– Сейчас я покажу вам картину, от которой столько неприятностей.

– Показывайте дорогу, миледи.

Если бы только все было так просто!

– Я отведу вас к картине, но это не значит, что она просто висит где-то на стене.

– Это вряд ли было бы разумно, – согласился Дженкс, – учитывая, что она принадлежит герцогу Ардмору.

– Да, пока.

Брр... Как же она ненавидела посещать хранилище картин!

«Это все ради Люси, – твердила себе Изабел. – Ради нее одной. Чтобы помочь».

Дорогая Люси, которая целые дни корпела над бумагой и полотнами, много читала, обожала создавать предметы искусства так же, как Эндрю Морроу обожал их продавать. Она любила уединение и, случалось, неделями никого не видела, если не считать Изабел, слуг и Бринли.

Люси клялась, что ей нравится проводить целые дни до-

ма, но Изабел считала, что это она виновата во всем, это на нее возложена ответственность за успех Люси в этом сезоне. Если девушка не получит приглашения на самые престижные балы, потому что слишком долго не выезжала...

Неважно. Сейчас это неважно.

Изабел позвонила Селби.

Дворецкий вошел в гостиную. За ним по пятам следовал Бринли. Селби сделал вид, будто не замечает, как бигль, яростно виляя хвостом, обнюхивает ковер. Маленький черный нос привел Бринли к кожаным сапогам офицера Дженкса. Песик откинул голову, взвизгнул, взвыл, после чего вернулся к прежней цели – обнюхиванию сапог гостя.

Дженкс сложил руки за спиной и выпрямился с достоинством старого служаки, но выражение, с которым он рассматривал песика, было... ласковым? Да, определенно ласковым: уголок рта приподнят в улыбке, напряженные линии вокруг губ разгладились.

Изабел сделала вид, будто ничего не заметила: этим искусством она владела не хуже дворецкого.

– Селби, мне нужен фонарь.

– Очень хорошо, миледи, – поклонился тот, не выказав ни малейшего удивления.

Впрочем, идеальный дворецкий никогда не позволит себе проявить хоть какие-то эмоции, но Изабел подозревала, что он знает истинную причину ее просьбы. После смерти Эндрю потайная комната стала самым плохо охраняемым секре-

том в доме, если не считать роман между убиравшей наверху горничной и лакеем Дугласом.

– Мне также нужны трутница и кремень, а еще свечи и несколько бумажных жгутов.

– Да, миледи.

Дворецкий опять поклонился и вышел, едва слышно щелкнув пальцами. Голова пса дернулась, он коротко взвыл, но послушно направился к двери.

Дженкс сменил позу.

– Сегодня я обошел пешком едва ли не весь город. Похоже, ваш пес обожает лондонские запахи.

– Просто вы ему понравились, офицер Дженкс.

– Повезло мне.

Их глаза встретились, и под его прямым взглядом в желудке Изабел что-то затрепетало. Господи, как глупо! Наверное, она просто отвыкла от мужских взглядов.

Дженкс повернулся к окну.

– Еще совсем светло. Зачем нужны фонари и лампы? Разве мы не идем исследовать эту вашу картину?

– «Исследовать» – слишком помпезное слово для предстоящих нам занятий. И, пожалуйста, не называйте эту картину моей: она никогда не была таковой и не должна быть.

Он согласно кивнул. В комнату вернулся Селби, на этот раз без собаки, зато со всем необходимым, и даже вместо одного фонаря принес два.

– Поскольку на этот раз вы не одна, – пояснил дворец-

кий, – я взял на себя смелость принести дополнительный фонарь.

– Спасибо, Селби.

Фонари уже были зажжены, и Изабел взяла оба, а Дженкс рассовал по многочисленным карманам трутницу, свечи и бумажные жгуты.

После ухода дворецкого он заметил:

– Не знаю, что у вас на уме, но подготовились вы хорошо.

Изабел сжала ручки фонарей.

– Если тебя хотя бы однажды запирали в темноте, вряд ли ты захочешь, чтобы это случилось снова.

– Не желаете рассказать подробнее?

– Кроме этого, рассказывать почти нечего.

Фонари из перфорированного олова отбрасывали на залитый солнцем ковер смутно различимые пятна света. Изабел протянула один фонарь Дженксу:

– Прошу следовать за мной, офицер.

Они вошли в спальню, где уже бывали раньше, хотя довольно давно. Когда в прошлый раз Дженкс сюда заходил, на полу в луже крови лежал труп. Для Изабел тот день был настолько странным и пугающим, что все происходящее казалось ей нереальным, и впечатление не развеялось даже со временем. Комната в ее сегодняшнем виде практически не отличалась от той, какой была при жизни усопшего мистера Морроу. Из обновок здесь был только аксминстерский ковер, заменивший тот, что был запачкан содержимым головы

хозяйина.

– Я узнаю комнату, – заметил Дженкс, когда Изабел подошла к дальней стене и поставила фонарь у ног. – Вы больше не пользуетесь ею как спальней?

Рука Изабел замерла в дюйме от стены.

– Прошу прощения? – пробормотала она оглянувшись.

– Видно, что комната нежилая, – пояснил он, показывая на холодный камин и стол, с которого были убраны все принадлежности для письма.

В воздухе стоял запах плесени, который не могла изгнать даже самая добросовестная горничная.

– И я понимаю почему, леди Изабел.

Он намеревался быть добрым и даже, возможно, галантным.

– Вы ошибаетесь, офицер. Эта спальня никогда не была моей – или нашей, – поэтому нет, она не используется.

Изабел вновь повернулась к стене, не заботясь о том, что слова прозвучали сдержанно и сухо. Многие богатые пары спали в разных комнатах и старались пореже видеться днем. У большинства, вероятно, для этого были другие причины, нежели у Морроу, но Дженксу знать это ни к чему.

Она принялась ощупывать щели в темных дубовых панелях: нужное место было где-то здесь. Может, чуть выше?

– Раньше я не знала о потайной комнате, – пояснила Изабел, продолжая шарить по панели. – Но вскоре после того, как мы с Морроу вернулись с Сицилии, где жили во время

войны, я как-то зашла сюда за бумагой для письма, хранившейся в его столе, и увидела открытую стенную панель.

– Весьма неожиданно, – донесся до нее голос Дженкса.

– Согласна. Видите ли, я считала эту стену внешней и не подозревала, что здесь может быть что-то еще, кроме дерева и кирпича.

Свет фонаря танцевал на деревянной стене, и вот она, трещина, скрытая рисунком дерева.

– Нашла!

Она нажала на это место ладонью. Послышались щелчок и треск, и в стене открылась дверь, за которой виднелось крошечное пространство с узкой лестницей, идущей параллельно стене спальни.

– Впечатляющее открытие, – заметил Дженкс.

– «Впечатляющее» не то слово, которым можно выразить мои чувства при виде этого. Я бы предпочла найти в стене крыс, – рассмеялась Изабел. – Но это не помешало мне войти. Любопытство часто приводит ко многим бедам.

– Совершенно верно. Впрочем, как и сомнения.

Даже сейчас, с фонарем в руке, она колебалась, боясь переступить порог. Когда она впервые вошла сюда, панель за спиной задвинулась. Пришлось долго ждать в непроглядной тьме, нажимая на каждый дюйм панели в поисках скрытого замка, пока не стерла кончики пальцев до крови. Когда, наконец, высоко над головой вспыхнул свет и появился Эндрю, она бросилась к нему с облегчением, смутившим обоих.

«Ну-ну, – приговаривал он, поглаживая ее по спине. – Забавная старая нора. Верно? Я как раз просматривал кое-какие фамильные документы».

Изабел поверила мужу и больше не стремилась подняться в потайную комнату, но уже после смерти Эндрю, когда прочитала письма Батлера, в которых он ссылался на картины, хранящиеся в «укромном месте», у нее появились кое-какие вопросы и она отправилась туда. И нашла доказательства, которые лучше было бы вообще не видеть.

В тот вечер она поехала в Воксхолл, пытаясь отвлечься, и, видит Бог, нашла «средство» в лице Каллума Дженкса.

Это было почти год назад. Странно, как это она тогда нашла в себе мужество для всего: поисков, связи с Дженксом, – то есть мужество сделать то, чего она всегда хотела.

Интересно, наберется ли она храбрости повторить тот опыт?

– Полагаю, – заметил Дженкс, – нам придется подняться по лестнице. Предпочитаете, чтобы я шел впереди, или мне следовать за вами?

– Идите первым, – решила Изабел.

Он обошел ее и вытянул руку с фонарем. Ступеньки были до того узкими, что приходилось идти боком, то и дело задевая плечом о стены. Лестница была винтовой и напоминала те, что обычно строили в башнях замков: сплошь повороты и грубо высеченные ступеньки. Изабел шагала за ним следом, сметая юбками пыль со стен.

– Вашему мужу было нелегко здесь продвигаться, – буркнул Дженкс, когда шершавое дерево перил зацепилось за сюртук.

– Все неудобства окупались с лихвой.

После этого они поднимались молча: сначала на один этаж, потом на второй. Доски ступенек скрипели под ногами, в воздухе пахло пылью и сыростью. Свет фонаря был слабым, и хотя россыпь световых точек украшала стены, этого было недостаточно.

Наконец, на уровне чердака, перед ними показалась дверь, из-под которой струился приглушенный свет.

Ну вот они и пришли.

Изабел со вздохом протянула Дженксу ключ:

– Откройте, пожалуйста, офицер.

Они вошли в узкую комнату. Угасающий дневной свет проникал сюда сквозь стеклянную крышу. Изабел стояла под ней и смотрела на небо, словно впитывая свет, которого они были лишены во время подъема по тайной лестнице, запасаясь им для спуска.

Она поставила фонарь на пол, наблюдая, как Дженкс сосредоточенно рассматривает окружающее – так же, как ранее письма Батлера.

Потайная комната шла по всей ширине дома. Десятки картин в рамах стояли у стен, закрытые тканью, из-под которой выглядывали позолота и дерево рам. Напротив стены помещался небольшой диван, с которого можно было рас-

смаатривать полотна. Тесное помещение пропахло пылью и старым деревом. Здесь было тепло, даже жарко.

– Умно, не так ли? – Изабел понимала, что вопрос прозвучал иронично. – Здесь нет окон, так что с улицы или из конюшни ничего не видно. Мало того: слуги спали на чердаке и не подозревали о ее существовании.

– О чем еще не знают слуги?

– О комнате они уже знают, о том, что здесь хранится, понятия не имеют. Это хранилище для картин, которые Морроу хотел оставить себе. Официально он все это продал, но на самом деле проданы копии, а оригиналы остались здесь.

– Вижу, наш друг Батлер трудился в поте лица.

Дженкс приподнял край прикрывавшей картины ткани и заглянул под нее. Целые шеренги картин: лицо за лицом, силуэт за силуэтом.

Он стал перебирать их, медленными, осторожными движениями, помня, как они хрупки. Изабел знала, что он видит: яркие, как драгоценности, краски и золотые фиговые листочки; чувственные обнаженные тела, теплые, дышащие жизнью краски и оттенки. Романтические современные портреты молодых женщин под грозовыми небесами. Глаза воздеты к тучам, волосы в беспорядке.

– Так мистер Морроу собирал только изображения женщин? – уточнил Дженкс.

Жаль, что она не задала этот вопрос Эндрю до свадьбы. Правда, тогда она понятия не имела ни о потайной комнате,

ни о подделках.

– Он покупал и продавал картины самых разных жанров, – выдавила она наконец. – Здесь те, которые ему больше всего нравились.

Эти слова были очень близки к правде, и на мгновение Изабел показалось, что Дженкс станет расспрашивать о подробностях, но нет, на его лице опять появилось знакомое выражение, словно он хотел было что-то прояснить, но в последний момент сдержался.

Сыщик неспешно обратил свой взор на картины.

Одна, особенно большая, была повернута к стене. Отодвинув ее на несколько дюймов, Дженкс прищурился и тихо свистнул:

– Эту я видел. В картинной галерее на Пэлл-Мэлл.

– Подлинник вы не могли видеть до этой минуты.

Дженкс осторожно придвинул картину к стене.

– Мне и в голову не приходило, что Батлер так талантлив.

– Да. Подделки до сих пор сходят за оригинал, и коллекционеры и художники, настоящие эксперты в этом деле, ничего не замечают. – Изабел поколебалась, прежде чем продолжить: – Поэтому возникает еще одна проблема. На кону не только репутация Морроу, моя и мисс Уоллес, но и всех, кто покупал или оценивал картины Батлера, считая их подлинным антиквариатом. Если правда выйдет наружу, очень многие будут опозорены и унижены.

– Поведение этих людей от вас не зависит, леди Изабел, –

заметил Дженкс. – И поступки тоже.

– Спасибо, офицер. Я это понимаю. И все же... – Она потерла предплечья. Шелк длинных рукавов казался шершавым в душной комнате. – Поступки этих людей все еще способны ранить: меня или мисс Уоллес, и если я не предприму необходимых шагов, чтобы защититься, не уверена, что кто-то возьмется сделать это за меня.

– Хмм...

Он абсолютно непроницаем! Изабел так и не поняла, готов ли он по-прежнему помогать ей или еще одно предложение заставит его с негодующим видом устремиться прочь из дома.

– Вы же не знали, что ваш муж торгует подделками. Как по-вашему, каков был источник его дохода?

– Я, – невесело рассмеялась Изабел. – Возможно, мне стоит радоваться, что у него были другие источники дохода, пусть и незаконные? Он казался богачом, вел себя как богач, и мой отец предположил, что так и есть на самом деле. Мужчина может далеко пойти, если обладает уверенностью в себе и обаянием, готов лгать или не договаривать всей правды.

– Так ваша семья посчитала его хорошей партией?

Каллум опять принялся перебирать картины, но она чувствовала, что его внимание сосредоточено на ее словах.

– Это имеет какое-то отношение к его плану подменять картины?

Каллум поднял изображение обнаженной Венеры, нахму-

рился и поставил на место.

– Кто знает... При расследовании необходимо собрать как можно больше информации.

Ха!

– Это действительно так?

– Я бы никогда не стал вводить вас в заблуждение относительно роли следователя.

Когда он повернулся к ней, взгляд его был серьезным, но на губах все же играла легкая улыбка.

Невидимый, не замечаемый до сих пор груз, лежавший на ее плечах, стал ослабевать.

– Это вряд ли может считаться секретом, особенно по прошествии всех лет. Мой отец был прагматиком и заботился только об одном: чтобы мой старший брат, его наследник, выгодно женился и в браке родились дети. Я гораздо младше брата, и мое замужество отца не слишком интересовало. Пока Эндрю был хорошо принят в обществе и имел тугой кошелек, он был доволен.

– Был? Ваш отец скончался?

– Нет, жив, но очень болен. Мама умерла, рожая меня. Мой брат, лорд Мартиндейл, несет на себе бремя титула маркиза. Что-то вроде регентства в нашей семье.

Разумеется, ее отец, маркиз Гринфилд, не был безумен, как несчастный король, а просто отсутствовал. Его разум постепенно таял, год за годом. Возможно, это началось десять лет назад, когда он впервые увидел Эндрю. Ни Гринфилд,

ни Изабел не задали вопросов, которые следовало бы задать: оба оказались слишком доверчивы.

– Понятно, – кивнул Каллум и сменил тему. – Так какая картина должна принадлежать герцогу Ардмору?

Все верно: пора было перейти к причине, по которой они сейчас находятся в этой тесной комнате.

– Эта.

Изабел вытащила картину из стопки и вытянула руки над подобием мольберта, хотя полотно было не слишком большим: фута два на три.

Дженкс изучал полотно с таким же вниманием, как страницы писем. Взгляд его скользил слева направо, потом сверху вниз, но в лице его, в отличие от Эндрю, не было ни малейших признаков похоти. Слава богу!

Изабел и не подозревала, что все это время задерживала дыхание, и что наклонила голову, чтобы видеть то же, на что смотрит Дженкс, хотя прекрасно знала каждую деталь. Три молодые женщины в прозрачных одеяниях стояли кружком. Одна – спиной к художнику – или зрителю? – демонстрируя впечатляюще округлые ягодицы. Руки женщин были подняты и переплетены, словно в сложном танце, длинные распущенные волосы струятся по плечам, однако лица оставляют открытыми.

Для Изабел их лица были куда привлекательнее, чем грациозная нагота: резко обрисованные черты, взгляды отведены друг от друга. У той, чье лицо было видно лучше всего,

уголки губ слегка опущены. Несмотря на затейливый танец, эти прелестные женщины из прошлых веков были одиноки и несчастны.

А может, она читает на их лицах собственные чувства? Эти женщины на картинах, которые хранил Эндрю, напоминали всех остальных – гологрудые, без волос на интимных местах, поразительно выписанными фигурами, бледной, как мрамор, кожей. Они были почти реальными и все же решительно неземными.

– Не могу представить, кто способен заинтересоваться подобными вещами, – заметил Дженкс. – Но что я знаю? Я скромный офицер полиции.

– То, как вы это сказали, вовсе не прозвучало слишком уж скромно.

Дженкс пожал плечами. Изабел поставила картину на пол и повернула изображением к стене.

– Видите ли, это этюд к гораздо большей картине. Итальянцы называют ее «La Primavera» – «Весна».

– Эти три женщины тоже символизируют весну?

– Нет, это младшие богини. Три грации. Вывезти огромную законченную картину из Италии было невозможно, но Морроу твердо решил купить этот этюд. Считал, что сначала был написан он, а уж потом «Весна».

Она снова натянула ткань на картины.

– Но почему художник пишет одно и то же несколько раз? Помимо финансовой выгоды, конечно.

Прежде чем повернуться к Дженксу, Изабел откашлялась:

– Думаю, что это фрагмент, который больше всего может заинтересовать джентльменов.

– Боже, спаси меня от джентльменов, – пробормотал Дженкс. – Ну хорошо. Значит, эта картина у вас, а другая – у герцога Ардмора.

Изабел кивнула.

– И я хочу поменять их местами. Понимаю, что Анджелес, возможно, и не распознает подделки, но если распознает...

– Возможность, которую надежно устранит ваш умный план, – закончил Дженкс. – Если герцог отдаст Анджелесу подлинник, нежелательных вопросов не возникнет.

– Я тоже так думаю.

Неужели фонарь мигает? Изабел надеялась, что нет. Хотя у них был запасной фонарь плюс бумажные жгуты и свечи, тошнотворные воспоминания о тех минутах, когда она была заперта в темноте, заставили ее вздрогнуть.

– Видите, с чем нам приходится работать! Но, может, вернемся в ту часть дома, в которой не так жарко и которая не скрыта за фальшивой стеной?

– Через минуту.

Комната была невелика, и когда он шагнул к ней, оказался слишком близко.

– Я сказал, что помогу вам, и сдержу слово, но должен предупредить, что не проигнорирую все те свидетельства, которые удастся найти.

Ясный взгляд его карих глаз и плотно сжатые губы выражали решимость.

Изабел непонимающе уставилась на него.

– Свидетельства чего?

– Улики, касающиеся смерти вашего мужа.

– Они еще могут отыскаться?

– Не знаю, но если найдутся, я... намерен обратить на них самое пристальное внимание и даже специально их поискать.

Они молча смотрели друг другу в глаза. Наконец, Изабел отвела взгляд и оглядела потайную комнату. Здесь находится что-то вроде доказательства, а она наткнулась на него только через полгода после смерти Эндрю.

– Что же, это справедливо. Даю вам свое благословение, офицер Дженкс.

– Есть вероятность, что мы обнаружили нежелательные улики об обстоятельствах смерти вашего мужа.

– Что может быть нежелательнее, чем сама смерть?

Дженкс вскинул брови, а Изабел вздохнула.

– Нет, я не ожидаю ответа, хотя, должно быть, у вас на кончике языка вертится не менее двадцати.

– О, не более полудюжины.

Изабел присела, чтобы поднять фонарь, который поставила у двери, и, еще не успев взять его в руки, успокоилась. Ручка была теплой, неяркое пламя мигало в темно-синем свете раннего вечера.

– Дело было закрыто, – выговорила она медленно. – Этого

не следовало делать?

– А вы как думаете?

Изабел проглотила отрицательный ответ и попыталась лучше подобрать слова. Дженкса в отличие от остальных знакомых ничуть не тревожило ее молчание. Он просто ждал, когда она заговорит, наблюдая за ней с бесконечным терпением.

Нет, она не знала, стоило закрывать дело или нет. Будь Мартиндейл менее решительно настроен защитить свою сестру любой ценой, вероятно, судья вынес бы заключение, что Эндрю покончил с собой. И тогда ее мужа похоронили бы в неосвященной земле, все его доходы заморозили бы на год, а для Изабел это означало позор и бедность, пусть и временную.

Вместо этого вердикт тактично провозгласил смерть по неосторожности. Должно быть, Морроу чистил свой пистолет, бедняга, и заглянул в ствол проверить, не осталось ли нагара.

Закон был соблюден. Но нет, если быть честной, правосудие не свершилось, хотя и не ради Эндрю, ради нее. А может, для семьи это был самый легкий способ положить конец этому подобию брака.

– Думаю, – вздохнула Изабел, – в этом вопросе вы должны следовать своему суждению. Давайте договоримся: вы примените свое искусство сыщика и чутье на необычные факты. Что я могу привнести в партнерство?

Он искренне улыбнулся: впервые за весь день, – но выражение лица стало опасным, а взгляд – хищным и острым.

– Вы вращаетесь в обществе. От вас требуется проникнуть в дом герцога и найти картину. Если мы собираемся подменить ее на настоящую, нам нужно знать точное место, где она находится.

Его улыбка померкла.

– Вы можете навестить Ардмора? У вас найдется предлог?

– Попытаюсь изобрести таковой. – Изабел отдала ему свой фонарь и взяла второй. – Много битв происходило под прикрытием хороших манер, офицер Дженкс. Завтра я пойду во вражеский лагерь и постараюсь все разведать за чаем с пирожными.

Глава 4

Как намекнула Изабел Дженксу, женщина, искушенная в манерах высшего общества, владеет грозным арсеналом оружия: ножом, выкованным из пренебрежения, дубинкой, сделанной из унижения. А еще в ее распоряжении имеется медленный яд замаскированного оскорбления и спонтанный залп сплетен.

Мужчины недооценивали такое оружие, но женщины пользовались им ежедневно, чтобы держать общество в форме. Позвольте мужчинам иметь свой парламент; женщины же будут властвовать в бальных залах.

Или в гостиной герцогского дома.

На следующий день после похода в потайную комнату Изабел и Люси нанесли визит герцогине Ардмор в ее приемные часы, и теперь пили чай. Люси посматривала на блюдо с тминным кексом.

Визит был приятным. Все словесное оружие пока что было спрятано. Хотя Изабел считала герцога своим врагом из-за истории с картиной Боттичелли, ей очень нравилось общество его жены и дочери.

Сегодня в гостиной царила не герцогиня, а ее дочь.

– Вы еще не знакомы с Титанией? – спросила, поднимая с пола пушистую серую кошку, леди Селина Годвин, хорошенькая брюнетка, любившая общество и продолжительные

беседы. – Я просто обожаю ее. Мне ее подарил на прошлой неделе мой брат Джордж.

– Она прекрасна, – согласилась Изабел.

По правде говоря, молодая кошка выглядела сбитой с толку, словно не могла поверить, что теперь ей доступна столь роскошная жизнь.

Леди Селина посадила ее на вышитую подушку, погладила по голове, и кошка довольно замурлыкала.

Помимо Изабел и Люси герцогиня и ее единственная дочь принимали леди Тисдейл, пожилую даму с едким чувством юмора и прекрасно уложенными серебристыми волосами, и миссис Гадолин, молодую особу, которая, несмотря на не слишком высокое происхождение, сделала завидную партию и теперь не могла скрыть такого же потрясения своей неожиданной удачей, как кошка леди Селины.

Изабел надеялась, что визитеров будет больше, но ей не терпелось поскорее найти поддельного Боттичелли, поэтому они с Люси поехали к герцогине так рано, как только позволяли приличия. Теперь следовало вести себя как можно осторожнее, чтобы не привлечь внимания необычным поведением.

Она пила чай и украдкой оглядывала комнату. Никакой поддельной «Весны» ни на этой стене, ни на той... и той. Придется под каким-нибудь предлогом покинуть комнату и осмотреть другие помещения в доме, прежде чем выждать положенное время и уехать, следуя правилам этикета.

– Можно и мне ее погладить? – спросила Люси, которая, как правило, молчала, и лишь рядом с животными ее обычная стеснительность исчезала.

Дождавшись жизнерадостного согласия леди Селины, Люси соскользнула со стула, присела на корточки возле дивана и стала ворковать с сонно моргавшей кошкой.

У Изабел было два мотива для этого визита. Помимо необходимости отыскать этюд к «Весне» она хотела, чтобы Люси подружилась с Годвинами. Изабел выросла с Джорджем, старшим сыном герцога, которому, как и ей, было двадцать восемь лет. Леди Селина в двадцать один год проводила достаточно времени в обществе, чтобы успеть освоиться, и могла стать хорошей подругой для Люси. Ходили слухи, что в этом году она должна выйти замуж за наследника маркиза Ливердейла – приятного мужчину лет сорока и частого посетителя гостиной леди Селины. Партия для обоих была блестящей: таким образом исполнялось давнее желание двух могущественных семей объединиться. Правда, кое-кто гадал, почему наследник еще не сделал предложения.

Возможно, дело в том, что герцог Ардмор сначала решил избавиться от карточных долгов, чтобы Ливердейл дал согласие на брак?

Изабел тихо вздохнула: похоже, ей повсюду мерещатся заговоры.

Она тосковала по невозмутимому Каллуму Дженксу. Хоть его появление в этом глазированном торте, именуемом го-

стиной, было так же уместно, как неожиданный визит слона, он точно знал, что возможно, а что попросту смехотворно.

– Вы должны завести себе любимца, мисс Уоллес, – томно заметила герцогиня. – Каждая молодая леди просто обязана иметь кошку.

Постоянно одурманенная опиумом, который принимала от неизвестной докторам болезни, она целыми днями полулежала на шелковом шезлонге, но с гостями была неизменно вежлива.

– Да, я немедленно куплю, – пообещала юная миссис Гадолин. – Мой дорогой Гадолин наверняка знает места, где можно приобрести лучшую кошку.

– На мой взгляд, лучшей следует считать кошку, которая живет на конюшне и не дает мышам пожирать сено. Да и хороший большой пес, от которого есть хоть какая-то польза, может стать любимцем, – заявила леди Тисдейл.

Изабел немедленно нашла предлог вступить в разговор:

– Вы имеете в виду сторожевую собаку? Ваша светлость, у вас, по-моему, есть несколько.

– Ммммм? – неопределенно промычала герцогиня.

– Да, ко всеобщей досаде, – ответила вместо нее леди Селина. – Доволен только отец! Им бы следовало жить в поместье. Получились бы прекрасные охотничьи собаки! Но здесь они только слоняются ночами по дому и пугают слуг. Это происходит каждый раз, когда отец ночью звонит несчастному камердинеру.

Она рассмеялась:

– Фесби приходится снимать туфли и красться по коридору, иначе одна из собак проснется и начнет охотиться на него!

– Все это так забавно, – пробормотала герцогиня. – Мы смеемся и смеемся.

– Сколько у вас собак? – поинтересовалась Люси, поглаживая кошечку.

– Только две. Хотя они достаточно большие и громкоголосые, чтобы заменить целую стаю, – усмехнулась леди Селина. – Наши ужасные дорогие песики сейчас заперты в кабинете отца. Полагаю, ему необходимо их общество в моменты, когда он просматривает корреспонденцию.

Полезные сведения: когда придет время поменять поддельную картину на подлинник, надо не забыть про собак.

Как бы теперь ускользнуть и поискать картину, не привлекая внимания, особенно со стороны Люси?

Дорогая Люси. Хорошенькая как картинка в свои восемнадцать лет, с широко раскрытыми голубыми глазами и мягкими вьющимися волосами, стройная, с гладкой кожей, она могла бы позировать для модных рисунков в «Репозитории искусств Аккермана»¹.

И все же этот сезон она «не прошла», как выражались ма-

¹ Иллюстрированное британское издание, публиковавшееся с 1809 по 1829 г. Официальное название «Репозиторий искусств, литературы, торговли, производства, моды и политики». – *Примеч. пер.*

маши, описывая девушек, которые не смогли привлечь внимания многих мужчин. И дело вовсе не в застенчивости или необщительности. Люси была дружелюбна и чрезвычайно покладиста – настолько, что иногда Изабел воздерживалась от выражения собственного мнения, чтобы узнать ее желания, – но ее не одурачишь, для нее все это было чем-то вроде игры. «О, как пожелаете», – говорила девушка.

Изабел считала, что мужчинам нравились покорные жены, но, может, не настолько покорные? А может, Люси чего-то недоставало? Недостаточно богата, недостаточно энергична? Стоило ей завидеть животное, девушка совершенно преображалась. Могла часами ворковать и играть с кошкой или собакой. Возможно, маленькая Титан станет мостиком между Люси и подругой с двумя ногами вместе четырех? Леди Селина целую минуту казалась очень довольной вниманием, которое уделялось ее любимице, но стоило миссис Гадолин объявить, что она пошлет дорогого муженька добывать двух больших злых собак, обратила взор на Изабел.

– Кажется, прошло уже больше года с тех пор, как вы овдовели. Не так ли? – Леди Селина окинула любопытным взглядом платье Изабел, опять серое, но на этот раз отделанное узкой фиолетовой лентой и черным стеклярусом. – А все еще носите обручальное кольцо и полутраур?

Изабел что-то пробормотала: пусть леди Селина считает ее чрезмерно сентиментальной. Сама она относилась к своей невыразительной одежде и кольцу на пальце как к чему-то

вроде поблекшего зимнего оперения яркой птицы. В таком виде она становилась неприметной и без помех могла идти по жизни.

Но она не всегда предпочитала подобное оперение, и сейчас с некоторой завистью рассматривала алое платье и тюрбан леди Тисдейл.

– Извините, что спрашиваю, – продолжала между тем леди Селина с уверенностью той, кому прощают все на свете. – Видите ли, я хочу выступить в роли свахи, да и сама надеюсь на скорое счастливое объявление о помолвке.

Она широко улыбнулась – сплошь ямочки и лукавство.

– Вы не думали о том, чтобы поискать мужа не только для мисс Уоллес, но и для себя?

– Хммм, мисс Уоллес... – задумчиво протянула леди Тисдейл.

Изабел вспомнила, что у нее есть сын, которому пора жениться. Впрочем, возможно, леди Тисдейл куда больше заинтересована в его женитьбе, чем он сам.

Люси подняла глаза, рассеянно улыбнулась и опять занялась кошкой.

– Я не думаю о новом браке, – мягко заметила Изабел.

Она вышла за Эндрю в восемнадцать лет. Муж был на двадцать лет старше и считал Изабел ценным приобретением: хорошенькая, аристократичная, милая – совсем как картина, которыми он торговал, – она должна была стать живым дополнением к его коллекции, но теперь, будучи вдо-

вой, могла поступать как захочет. До сих пор она жила ради каких-то других целей: прятала доказательства преступлений Эндрю, опекала Люси, стараясь обеспечить девушке хорошую жизнь.

Перед глазами встало упрямое красивое лицо Каллума Дженкса, напоминая, что она не одна в своих планах. Пока что.

– Но вам все равно не мешает об этом подумать, леди Изабел, – возразила леди Селина. – И на этот раз выбрать кого пожелаете.

– Хотите сказать, замужество по любви?

В глазах леди Тисдейл плясали веселые искорки.

– Вы рассказываете сказки, девочка моя. Замужество по любви – роскошь, которую женщины не могут себе позволить.

Леди Селина с сомнением уставилась на нее и подняла чашку. Солнечный луч отразился в камне ее кольца. Она скорее всего не привыкла к тому, чтобы ей говорили, что на свете есть нечто такое, чего она не могла себе позволить.

– Я скажу дорогому Гадолину... Что мне следует ему сказать?

– Что замужество по любви – мечта, которая очень редко осуществляется, – сухо подсказала леди Тисдейл.

– А еще – что он должен привезти вам кошку, – добавила Люси. – Если, конечно, хотите.

– Верно, верно! – поддержала леди Селина. – Попросите

принести кошку. Мой брат расскажет, где ее взять. Он, возможно, сейчас где-то в доме.

Следующие несколько минут присутствующие говорили обо всем и ни о чем. Такие разговоры подобны теплой ванне и утешительны именно своей предсказуемостью: мягкая учтивая лесть позволяла Изабел наблюдать и узнавать сведения.

И вовремя отступить, чтобы улучшить момент и найти предлог ненадолго выйти.

Тихое «извините», смущенно отведенный взгляд – и все посчитают, что леди Изабел Морроу нужно воспользоваться туалетом, прежде чем отправиться со следующим визитом.

Она обошла гостиную по стеночке и открыла позолоченную дверь.

Каждая часть городского дома герцога Ардмора была роскошной и позолоченной, и коридор не был исключением: затейливые лепные медальоны, покрытые золотой краской, на каждом шагу картины, шелковые драпировки на стенах.

Бесшумно ступая, Изабел отправилась в противоположную от вестибюля сторону, поскольку знала, что Боттичелли Батлера там нет, как и в столовой, где не так давно обедала. Оставалось надеяться, что картины нет и в кабинете, где закрылся герцог с собаками, но если придется изобрести причину заглянуть туда, она это сделает.

Скользя рукой по стене, она все время прислушивалась, но стояла такая тишина, что казалось, будто у нее в ушах

вата. В этой части дома не было слышно городского шума, а мягкие ковры под ногами заглушали звук шагов.

Изабел заглянула в другую комнату, музыкальный салон, где пахло свежесрезанными цветами и лимонным маслом, и свернула в следующий коридор. Герцог Ардмор владел огромной коллекцией картин, и куда бы она ни заглянула, всюду висели шедевры живописи. Кое-где картины располагались длинной цепочкой, рама к раме, а на лестнице теснились так плотно, что не было видно обоев.

Изабел бросила взгляд на дверь, которая, как она полагала, вела в кабинет герцога, после чего задумчиво осмотрела лестницу. Может, злосчастная картина висит на втором этаже, в хозяйских покоях?

Нужно спешить. Еще несколько минут – и визит пора завершать. Должно быть, они уже гадают о состоянии здоровья бедной леди Изабел, которая столько времени провела в туалете.

Она быстро взбежала по лестнице, завернула на угол и неожиданно на кого-то налетела.

– Осторожнее, мисс... О, Изабел! Здравствуйте!

– Джордж! – Изабел едва устояла на ногах, тем не менее приветствовала старого знакомого искренней улыбкой: – Как поживаете?

– Прекрасно, прекрасно!

Хоть он и улыбнулся в ответ, выглядел все же неважно и гораздо старше своих двадцати восьми: красные глаза,

обрюзгшее лицо, обозначившийся животик – следствие постоянных пьянок. Поскольку он вел ночной образ жизни, кожа его приобрела неприятную бледность рыбьего брюха.

И все же, несмотря на это, Джордж обладал добрым, хоть и эгоистичным, нравом. Именно он рассказал Изабел о продаже – вернее, обмене – картины, которую его отец передал Анджелесу: уж очень хотелось поделиться последними новостями. Проигрыши отца были для него источником постоянного веселья.

– Сестра просила вас что-то принести? Могу я помочь вам это найти? – спросил он.

Верно. Она же наткнулась на него на лестнице второго этажа.

– О нет, дело не в этом.

Почему бы не быть с ним честной? Это легче, чем запоминать гору лжи.

– Я надеялась взглянуть на Боттичелли вашего отца: этюд к картине «Весна». Знаете, где он?

– С голыми танцующими дамами? – рассмеялся Джордж. – Думаю, да.

– Она прелестна! – запротестовала Изабелл. – Я полюбила Боттичелли, когда мы с Морроу жили на Сицилии. А сейчас просто захотелось посмотреть на нее.

– С этой старой картиной у вас связаны какие-то воспоминания, верно?

Изабел улыбнулась, но исправлять Джорджа не стала.

– Ардмор держит ее у себя в кабинете, – пояснил он. – Одно время она висела наверху, но теперь он хранит ее поближе к себе. Возможно, прощается, прежде чем отослать Анджелесу. По-моему, это должно произойти на следующей неделе.

Значит, у них всего несколько дней, чтобы поменять картину.

– Не хотелось бы беспокоить его, – произнесла Изабел, но Джордж стал любезно настаивать, что никакого беспокойства тут нет.

Они спустились вниз и подошли к той двери, которую не открывала Изабел. Джордж постучал, и в ответ раздался яростный лай, а потом и голос герцога, едва слышный за страшным шумом:

– Заходите!

Джордж приоткрыл дверь:

– Отец! Я привел посетительницу к твоим голым танцующим дамам.

Он не столько учтиво, сколько энергично подтолкнул Изабел в комнату.

– Гог! Магог! Сидеть! – приказал герцог.

Два огромных охотничьих пса куда крупнее Бринли уселись на пол и уставились на Изабел с недовольными гримасами на мордах.

– Спокойно, мальчики.

– Ваша светлость.

Изабел присела и протянула руку собакам. Они с любопытством обнюхали ее пальцы и зарычали, шерсть на загривках встала дыбом, но с места не двинулись.

– Простите, – извинился герцог. – Они никого, кроме меня, не любят.

– Верно, – проворчал Джордж. – Не представляете, сколько телячьей печенки я скормил этим мерзким зверюгам с тех пор, как отец их купил...

– Скормил... чего? – в ужасе воскликнул герцог.

– ...а они по-прежнему не желают подчиняться моим командам.

Изабел вполне искренне рассмеялась, хотя сердце ее колотилось чаще обычного. Здесь была не только картина, но и герцог. Ей следовало бы чувствовать себя более неприступно рядом со старым знакомым, коим был герцог Ардмор, но у нее это никогда не получалось. О, улыбка его была дружелюбной, голос – мягким, манеры – безупречными, но взгляд голубых глаз был таким же зорким, как у Дженкса, только эффект производил совершенно иной. Дженкс просто наблюдал. Ардмор оценивал. Впрочем, Изабел была способна выиграть любую битву.

– Как сказал Джордж, ваша светлость, я надеялась взглянуть на вашего Боттичелли. Я полюбила картину с той минуты, как мой покойный муж ее купил.

Ладно, положим, это ложь, но упоминание о покойном супруге всегда вызывает сочувствие, и герцог, стоявший у

большого письменного стола красного дерева, жестом предложил гости обойти его.

– Прекрасная работа, леди Изабел. Не удивлен, что она вам нравится.

Кабинет был маленький, и в нем едва помещались три человека и две собаки. Кроме того, рабочий стол был больше обеденного в доме Изабел. Батлерчелли висел прямо за столом, между двумя узкими окнами, задрапированными элегантными шторами из шелкового бархата.

– Совсем такая, какой я ее запомнила, – выдавила Изабел, чтобы хоть что-то сказать, пока отмечала каждую деталь.

Два окна, четвертое и пятое с улицы. Второй этаж – значит, можно подняться с первого, если влезать в окно. Уйдет время, чтобы вставить картину в ту же раму, но это вполне возможно, поскольку обе картины одинакового размера.

– Прелестно! – Она восторженно вздохнула и подошла к окну, чтобы взглянуть на задвижку. – Не возражаете, если я посмотрю, какой отсюда открывается вид? Вот подумываю купить здесь дом.

– Конечно, – медоточиво согласился Ардмор. – Пожалуй, стоит переехать подальше от грустных воспоминаний, которые гнездятся в вашем нынешнем доме.

– Совершенно верно, – рассеянно согласилась Изабел, изучая оконные задвижки. – Такие печальные воспоминания.

Она не слишком разбиралась в задвижках, но эта походи-

ла на ту, что красовалась на окне в ее гостиной. Нужно попрактиковаться с ней и попробовать открыть снаружи.

В голове роились мысли и наблюдения. Слава богу, у нее в ридикюле валяется огрызок карандаша и записная книжка, хотя она, разумеется, оставила сумочку в гостиной.

«Будь хорошим сыщиком, – сказала она себе. – И партнером Дженксу».

Она должна все запомнить, чтобы он опять одарил ее своей лукавой улыбкой, когда услышит то, что ей удалось узнать.

– Вы действительно хотите перебраться в новый дом? – раздался за спиной удивленный голос Джорджа.

Гог и Магог зарычали, и Джордж урезонил их словом, которое не следовало произносить в присутствии леди.

Изабел повернулась к нему:

– Действительно.

Невзначай вырвавшаяся ложь навела ее на эту мысль. До этой минуты она продолжала считать себя вдовой Эндрю и не хотела тревожить кости всех скелетов, которые он ей оставил. Да, ей бы очень хотелось переехать.

– Думаю, я предпочла бы что-нибудь поменьше, – добавила Изабел. – Маленький городской дом. Или дом на краю Лондона с небольшим садиком для цветов и скамьей, на которой можно отдыхать.

Если бы кто-то попытался посидеть в садике за домом на Ломбард-стрит, то надышался бы угольным дымом, вонюю

конского навоза из конюшен, а еще, для разнообразия, возможно, резким запахом щелока в день стирки.

– Весьма привлекательная идея, – мягко заметил герцог. – Если понадобится помощь в поисках нового дома, у меня есть неплохой агент по продажам недвижимости.

Изабел взяла визитную карточку агента и присела на прощание. Собакам это не понравилось еще больше, чем ее появление, и они опять разразились лаем.

– Паршивые шавки, – буркнул Джордж, закрывая за ними дверь кабинета. – Единственная команда, которую они знают, это «сидеть!», но по крайней мере хоть ее слушаются. Иногда. О! Вот и моя сестра!

– Так вот вы где, леди Изабел! Я все гадала, куда вы пропали!

Леди Селина помахала уходившим визитерам и приветствовала улыбкой новоприбывших:

– Теперь я вижу, что вы встретили моего нечестивого брата!

– Всегда приятно повидать старого друга, – улыбнулась Изабел (вежливый ответ, не более; думала она в этот момент о другом). – Кроме того, я увидела знаменитых собак.

В дверях стояла Люси с ридикюлями – своим и Изабел – в обеих руках.

– Они были очень... О! Лорд Нортбрук!

Люси каким-то образом ухитрилась одновременно присесть и отпрянуть.

– Они и в самом деле были *очень*, – вздохнул Джордж. – Они всегда *очень*. А, ладно. Прошу простить меня, леди.

Кивнув, он с грохотом сбежал по ступенькам и направился туда, куда шел, прежде чем Изабел столкнулась с ним.

Люси снова выступила вперед и протянула Изабел риди-кюль.

– Спасибо за гостеприимство, леди Селина, и за то, что одолжили вашу кошку.

– Одолжили кошку? – переспросила Изабел, тревожно вскинув брови.

Леди Селина рассмеялась:

– Только на время, пока мисс Уоллес была здесь. Я знаю, у вас есть собственная собачка, а бедняжка Титания очень расстраивается, когда встречает Гога и Магога. Но, мисс Уоллес, вы должны приезжать к нам и навещать Титанию, а заодно и меня.

С этим дружеским напутствием Изабел и Люси спустились вниз и сели в ожидавший экипаж.

Когда кони тронули, Изабел ужасно захотелось записать все свои наблюдения, но сначала она должна была задать вопрос:

– Люси, дорогая, я заметила, что ты стесняешься Джорджа... то есть лорда Нортбрука. Есть ли какая-то причина такой застенчивости? Неужели он...

Изабел попыталась найти нужное слово. Джордж никогда не проявлял неуважения к леди, но мог быть, как сам сказал

о собаках, *очень*.

– О нет! Его светлость всегда очень приветлив, – заверила Люси. – Надеюсь, я не опозорила вас. Только я не ожидала увидеть здесь джентльмена и, боюсь, очень неуклюже присела.

– Не стоит его пугаться. А может, ты думаешь о нем как о возможном женихе? Я бы тебе не советовала.

– Мне бы никогда в голову не пришло метить так высоко, – заверила Люси, упрямо выдвинув подбородок.

– Дело не в этом, – покачала головой Изабел, хотя подопечная права: Джордж скорее всего женится на ровне, девушке такого же благородного происхождения, как он сам. – Он неплохой человек, но его привычки таковы, что я бы не пожелала тебе подобного мужа.

Люси смущенно потупилась, поэтому Изабел поспешно сменила тему.

– Шумные псы герцога подали мне идею. Интересно, можно ли научить собак не лаять по любому поводу? Мы, конечно, предполагали, что придется смириться с постоянным лаем Бринли, но, возможно, это необязательно.

Люси нахмурилась и задумчиво заметила:

– Бринли такой хороший песик, но действительно лает на всех. Попытаюсь его отучить. Как по-вашему, мясо – хорошее поощрение для пса?

Изабел вспомнила жалобы Джорджа на то, что Гог и Магог не реагируют ни на подкуп, ни на телячью печенку, и пред-

ложила:

– Может лучше, кексы? Я больше всего люблю кексы. А вдруг и Бринли тоже?

Люси обожала непоседливого шумного песика, потому и взяла на себя задачу найти способ уговорить его.

Конечно, Изабел не собиралась дрессировать Гога и Магога, но если сумеет скормить им кекс со снотворным...

Экипаж остановился перед домом на Ломбард-стрит. Изабел втайне поражалась, как быстро изменилась ее жизнь. Несколько месяцев после смерти Эндрю она пребывала в унынии, но, узнав его тайну, завела любовника и обзавелась собственной тайной. Должно быть, за последний год она, сама того не понимая, стала другой. Теперь дом мужа ей не подходил, кольцо на пальце сильно давило, и еще она задумала вломиться в дом герцога и одурманить его любимых псов.

Пока был жив, Эндрю твердой рукой управлял женой, каким-то образом также определял ее существование и непосредственно после своей смерти, но вот наконец она стала совсем другой и ей это очень нравилось.

Лакей помог выйти из экипажа Люси, потом протянул руку Изабел. Несмотря на то что ехать она буквально только что никуда не планировала, решение пришло быстро:

– Нет, Дуглас, спасибо. Мне нужно еще съездить по делам. Она окликнула кучера и велела везти ее на Боу-стрит. Дверь экипажа с громким щелчком закрылась. Изабел вы-

глянула в окно и увидела бледное, удивленное лицо Люси, но экипаж уже набирал ход. Она выхватила из ридикюля карандаш и записную книжку и принялась делать заметки, а закончив, когда экипаж остановился перед зданием суда, убрала обратно и, поколебавшись, стянула с пальца кольцо и отправila следом.

И вовсе не потому, что сейчас увидит Каллума Дженкса, а потому, что вдруг ощутила: кольцо больше не место на ее пальце.

Глава 5

– Я закрыл все дела, Фокс, – объявил Дженкс магистрату. – Вы сказали, что, если останется время, я мог бы продолжить расследовать дело Чаппла.

– Дженкс, нет!

– Я превосходно помню, сэръ: вы сказали, что как только я...

– Мне не следовало этого говорить, – вздохнул Фокс, осторожно опускаясь в кресло (несмотря на вечный шум в помещении, он старался говорить тихо). – Больше никаких расследований, связанных с сэром Фредериком Чапплом. Это невозможно.

– Возможно, – отрезал Каллум. – Мне только нужно, чтобы вы дали «добро»...

– Нет, Дженкс, – повторил Фокс. – Сами знаете: если бы я мог, то дал бы другой ответ, – но нам еще повезло, что Чаппл не попросил извинений.

– Извинений? – рявкнул Дженкс. – За то, что ему вернули роскошную жизнь без всяких последствий?

– Он провел в тюрьме почти год, – мягко напомнил Фокс, перелистывая лежавшие перед ним документы. – А, так сегодня передо мной снова появится Джейни? Приятно видеть знакомое лицо. Хммм... хозяин магазина обвинил ее в том, что она обчистила его карманы. Надо бы вывести ее из игры.

– Обойдется предупреждением, – отмахнулся Дженкс.

Джейни была одной из лучших осведомительниц в городе. Количество разоблаченных преступников с лихвой возмещало пропадавшие время от времени из карманов бумажники.

– На этот раз я ее оштрафую. Последнее время мы слишком часто ее видим. Если она действительно залезла в чужой карман, у нее есть средства заплатить.

Фокс поднял глаза, оглядел толпу, стоявшую за перильным ограждением, которое отделяло скамью от остального зала. Комната была невелика, но, казалось, была заполнена руками, ногами и негодующими жестами, убогой одеждой и редко встречающимися яркими перьями на дамских шляпках. Здесь пахло мокрой шерстью и недавним дождем.

– Уверены, что закончили все дела?

– Поэтому половина этих людей находится здесь, – ответил Каллум. – Мелкие воришки, хулиганы, разбивавшие магазинные витрины на Джеймс-стрит, и еще один идиот, проводивший фальшивый аукцион. Но, сэр, вы же знаете, что это неправильно. Пусть баронет просидел год в тюрьме, но мой брат мертв! Сэр Фредерик просто переложил ответственность за собственное преступление на мертвых сообщников.

Густые брови Фокса сошлись над огромным горбатым носом.

– Я никогда не спорил с вашим утверждением, но у нас

нет ни улик, ни средств снова открыть дело. Вы это знаете.

Он потер ладонью глаза и вздохнул:

– Кстати, я совершенно уверен, что Анджелес жульничает в том игорном заведении на Грейт-Эрл-стрит, но получить какие-то доказательства, особенно в «Семи циферблатах»...

Пренебрежительно фыркнув, он нахлобучил на голову завитой пудренный парик и взялся за молоток.

Опять Анджелес. Этот человек повсюду, но его нельзя прижать, совсем как ветер или желтый туман, что крадется по тротуару в тихую лондонскую ночь.

Каллум коротко кивнул магистрату, принимая отказ. Фокс всегда старался соблюдать закон, но он всего лишь человек, а было немало таких, чьи голоса звучали громче, чьи связи были влиятельнее. Для подобных людей главное – скрыть правду и получить выгоду. Сэр Фредерик сумел заручиться их поддержкой и избежать наказания. Скорее всего он уже покинул Лондон, если вчера вышел из Ньюгейта.

Дженкса же как офицера полиции ждали новые дела. Бесконечный поток преступников и жертв. Все нуждались во внимании. Многим была необходима помощь, и некоторые из них запоминались, проникали в сердце и душу.

Оставив Фокса в покое, Каллум протиснулся сквозь дверцу в перильном ограждении, но дорогу ему тут же преградила тощая рыжая парочка.

– Как поживаешь, грозовая туча? – спросил Чарлз Бентон, коллега Дженкса. – Не получил желанного ответа от старого

Фокси? Все еще грезишь о деле монетного двора?

– Оставь Каллума в покое, – приказала Кассандра, сестра-близнец Бентона, состроив гримасу. – Он любил брата. Хотя если старший Дженкс даже немного походил на тебя, то уж не знаю, чем вызвана эта любовь.

Каллум покачал головой. Эти двое вечно спорят, но при этом неразлучны. Бентоны были так похожи, что, казалось, сошли со страниц «Двенадцатой ночи». Да, Каллум читал Шекспира и мог сказать, что между братом и сестрой почти не было различий. Оба высокие, жилистые, с тяжеловатыми челюстями, хотя подбородок Касс смягчался ямочкой, а черты лица – широкой улыбкой.

– Все прекрасно, – солгал Каллум. – Меня это ничуть не беспокоит. Дело закрыто, а у меня и без него полно работы.

– Хорошо лжешь, но я вижу тебя насквозь. – Касс щелкнула его по носу. – Когда ты врешь, у тебя ноздри раздуваются, словно твои собственные слова воняют.

Каллум закрыл нос ладонью и попытался ответить негодующим взглядом, но рядом с Касс просто невозможно пребывать в плохом настроении. Она всегда, как теплое солнышко, подпитывается энергией суда и никогда не забывает деталей дела. Какая жалость, что она не может стать офицером! Наверняка была бы лучшей в команде Фокса, не исключая и самого Каллума.

– Очнись! – воскликнул Чарлз, ткнув его кулаком в бок. – Если скучаешь по работе, Дженкс, есть чудесный способ себя

занять! Вон дама, выглядит аристократкой. Как считаешь, что она здесь делает?

– Дженни, возможно, украла ее кошелек, – пробормотала Касс.

Каллум опустил руку, взглянул в направлении, указанном Чарлзом, и тут же поблагодарил Бога за свое умение не выдавать эмоций, потому что если Чарлз и Касс узнают, как заколотилось его сердце при виде леди Изабел Морроу, обходившей зал суда, то станут немилосердно над ним издеваться.

– Я знаком с леди, – пояснил он сухо. – Она наняла меня для...

– Несколько жарких ночей? – рассмеялся Чарлз.

Каллум закатил глаза:

– Неважно. История поистине завораживающая, но тебе я ничего не расскажу.

– Чарлз, вечно ты все испортишь! – негодуя воскликнула сестра, шлепнув брата по руке. – Дженкс, кто она?

Каллум неохотно назвал Изабел, и Касс с ее феноменальной памятью мгновенно вспомнила дело Морроу.

– Бедняжка! Увидеть тело мужа, погибшего от случайного выстрела! Она что, опять попала в беду?

– Ничего подобного, – твердо заявил Дженкс. – Человек может искать помощи и не попав в беду.

Он помахал друзьям на прощание и стал пробираться сквозь шумную толпу к леди Изабел. Сегодня она опять бы-

ла в сером, с забавной черной шляпкой на голове. Истинная леди, и все же в своем скромном одеянии она не привлекала ни малейшего внимания, словно была невидимкой.

– Миледи, – поприветствовал он ее. – Не ожидал увидеть вас здесь. Вам нужна помощь?

«Вы приехали повидаться со мной?»

Она улыбнулась так, что сердце заколотилось еще сильнее.

– У меня новости. О нашем художественном приключении. Понятия не имела, что в зале суда может быть так много народу! Рассказывать здесь или найдем местечко потише?

Каллум взглянул на большие настенные часы, хотя по движению теней можно было точнее определить время. Скоро три, и Фокс еще не выслушал последние дела.

Дженкс мог остаться и помочь выстроить мелких преступников в очередь, мог допросить свидетелей и собрать штрафы с тех, кому приговор был уже вынесен, но мог и ускользнуть вместе с леди Изабел Морроу, и пусть Чарлз Бентон хоть раз в жизни взвалит весь этот груз на себя.

– Идемте, – сказал Дженкс. – Я знаю такое место. Пусть оно и не кажется уединенным, но никто не станет подслушивать, о чем бы мы ни говорили. Если бы мы поднялись в мои комнаты, хозяйка наверняка сразу прижалась бы ухом к двери.

– Вряд ли мне прилично посещать одинокого мужчину. – Подняв брови, леди Изабел оглядела зал.

– Здесь же наша беседа выглядит вполне прилично. Так что тут и останемся. Но, может, вы проголодались? – выпалил Дженкс и тут же сжал губы, чтобы не наговорить еще больше глупостей.

Паб «Кабанья голова» на Харт-стрит получил свое название в честь любимого кабачка шекспировского Фальстафа и располагался между двумя театрами: «Ковент-Гарденом» и «Друри-Лейн». Здесь собирались актеры и их покровители, а также рабочий люд с соседних улиц, и никто не смотрел с удивлением на незнакомое лицо. Поскольку от Боу-стрит до кабачка было рукой подать, Каллум часто обедал и принимал агентов именно здесь.

Кабачок был вполне респектабелен, но это единственный комплимент, которого он заслуживал. Сейчас Каллум видел зал глазами леди Изабел: темный, холодный и грязноватый. Дни, когда он считался модным, вот уже век как миновали. Если бы кто-то захотел создать полную противоположность гостиной Изабел, она выглядела бы так, как комната, в которой они стояли.

– Я никогда раньше не была в таком месте, – заметила леди Изабел.

Каллум придержал язык, опасаясь засыпать ее глупыми вопросами вроде: «Вы боитесь?»; «Оно слишком уродливо?»; «Чувствуете себя так, словно оказались в зверинце?». . .

Очень часто он встречал богатых людей, обращавшихся с ним словно с представителем совершенно иного вида.

– Хмм... Вот и все, что он сказал вслух.

– Ваш вечный ответ. – Она смотрела на него так, словно с трудом сдерживала улыбку. – До сегодняшнего дня мне и в магистратском суде на Боу-стрит не приходилось бывать. Мне давно пора познакомиться с разными интересными местами. Хотите поесть или просто поговорим?

И на этом все. Просто паб и просто посетители, и не будь она по-прежнему «благородной леди Изабел, в жилах которой течет голубая кровь», его бы так и подмывало схватить ее в объятия и впиться в губы. Вместо этого он подошел к бару и заказал три пинты портера, сказав бармену:

– Одна твоя, – сказал он бармену.

Седеющий мужчина поймал монеты на лету:

– Спасибо, сэр. Салли сейчас принесет.

Три личности неопрятного вида сидели за столом в углу, где предпочел бы обосноваться Каллум, поэтому, подойдя ближе, он окинул их суровым взглядом:

– Джентльмены, вам пора.

Несколько секунд они главели на него в упор, но потом все же с недовольным ворчанием поднялись, обошли стол и почтительно коснулись своих кепи при виде леди.

– У вас просто сверхъестественная способность, офицер, – удивилась Изабел. – Я не видела, чтобы взгляд обладал столь уничтожающим эффектом, с тысяча восемьсот восьмого года, когда представлялась королеве.

Каллум почти поддался соблазну оставить ее в заблужде-

нии и полной убежденности, что обладает взглядом более мощным, чем любое оружие, но совесть вынудила его признать правду.

– Один из этой троицы – мой брат Джейми. Они все работают в бакалейной лавке моих родителей. Я еще был очень вежлив, когда напомнил, что им пора. Для обеда рановато. Хотел бы я знать, что они здесь делали.

– Еще один брат, – протянула собеседница, и он понял, что она сопоставила его фамилию и убитого охранника. Должно быть, прочла в газетах.

– Других братьев у меня нет, – бросил он коротко. – Только Джейми. Еще есть сестра. Садитесь, прошу вас.

Он сунул два пальца в рот и свистнул: обычная манера подзывать подавальщицу в этом пабе. Резкий звук повис над шумом голосов. Когда флегматичная молодая подавальщица наконец подплыла к ним с кружками в руках, Каллум спросил у леди Изабел, что она хотела бы заказать.

– То же, что и вы.

Дженкс заказал хлеб и горшочек с джемом.

Когда подавальщица ушла, забрав кружки, оставленные предыдущими посетителями, Изабел спросила:

– Анджелес когда-нибудь заходит сюда? Вы узнали бы его в лицо?

Каллум вытер липкое пятно на столе:

– Может быть, хотя он умеет маскироваться. Но я никогда не слышал, чтобы он появлялся здесь. Почему вы спросили?

– Я почти поддавалась соблазну предложить самой уладить дело с долгами Ардмора – если встречу Анджелеса, разумеется. Тем более что недостатка в картинах я не испытываю.

– Поняли, что пойти на преступление труднее, чем предполагали?

Уголки ее губ приподнялись:

– Это говорит в мою пользу?

– Миледи, я всегда был о вас очень высокого мнения. – Он откашлялся и сменил тему: – Насколько я понял, вы хотели что-то мне сказать? Что-то узнали насчет «Весны»?

– Батлерчелли, как я мысленно ее называю. Да, днем я нанесла визит герцогине, и надеюсь, что вы будете довольны результатами.

Положив на стол ридикуль, она вытащила записную книжку, и вместе с ней на столешницу, звякнув, упало золотое кольцо. Звук пронесся по комнате, каким-то образом перекрыв шум, и каждый узнал в нем драгоценный металл.

Каллум прихлопнул кольцо ладонью, не дав ему скатиться на пол, и медленно оглядел комнату. Всякий, чей любопытный взгляд скрещивался с его взглядом, поспешно отводил глаза.

Повернувшись к столу, он взял ее за руку и спросил, глядя на безымянный палец:

– Ваше обручальное кольцо? Почему вы его сняли?

Изабел выхватила кольцо из его пальцев и бросила в ридикуль.

– Время пришло.

Это все, что она успела сказать до появления подавальщицы с теплым караваем хлеба с хрустящей корочкой на блюде и горшочком джема. Каллум бросил ей несколько монет. Девушка поймала их, уронила в передник и отошла.

– Сегодня меня угощают чаем второй раз, – улыбнулась леди Изабел. – Джем выглядит очень аппетитно.

Вполне возможно, горшочек подавался к столу уже несколько раз, и немало ножей побывало в нем, но выглядел джем действительно аппетитно: приятного сливового цвета, с цельными ягодами смородины и терпким приятным запахом. Но...

– Здесь нет чая. Хотите заказать?

– Нет-нет, – отмахнулась леди Изабелл. – Чай не просто напиток. Это ритуал. Люди кормят друг друга, когда хотят быть вместе.

– Вы... вы хотите быть со мной?

Он с трудом сглотнул. Нельзя, чтобы она расслышала в его голосе желание.

Она удивленно взглянула на него:

– Ну конечно. Я должна рассказать вам о доме герцога Ардмора.

– Разумеется, – согласился Дженкс, утопив разочарование в глотке портера, оказавшегося крепким и горьким.

Дождавшись, пока он поставит кружку, она открыла маленькую записную книжку и показала свои заметки, точные

и подробные, написанные разборчивым почерком.

– У вас верный глаз, – похвалил он, отметив местоположение картины, количество окон, тип задвижки...

– Я пыталась нарисовать ее, – пояснила Изабел, – но это оказалось трудно. Зато такие же есть на окнах моей гостиной, так что, когда будете у меня в следующий раз, сможете с ними поработать.

– А я буду?

– Очень на это надеюсь.

Каллум поднял брови и взглянул ей в глаза. Щеки Изабел порозовели.

– Ах, леди Изабел!

Достаточно было сказать эти три слова, чтобы краска стала еще гуще. Этикет требовал от него отступить.

– Это большая честь для меня.

Она покачала головой и улыбнулась:

– Негодник!

До чего же приятно шутить и смеяться вместе! И тут его осенило. Он отчетливо понял, что леди Изабел Морроу ему нравится. Независимо от того, что его влечет к ней, независимо от того, что он исполнен решимости видеть торжество правосудия, ему нравится быть с ней.

Ему редко нравилось находиться в чьем-то обществе. Конечно, он любил брата Гарри, Касс и Чарлза – правда, в маленьких дозах – и терпел своих коллег полицейских и Фокса, исключительно ради работы.

Остальные родственники? Это сложнее.

Ему хотелось бы почаще общаться с ними, но это было связано с такими многочисленными условиями, трудностями и обязательствами, что сохранять расстояние намного легче.

А вот леди Изабел – да, она ему нравилась. Очень.

Он знал ее очень близко. В физическом смысле. И все же очень многие детали, большие и малые, до сих пор оставались неизвестными. Воздух между ними, казалось, состоял из вопросов.

– Какое ваше любимое блюдо? – выпалил он ни с того ни с сего.

Изабел перевернула страницу маленькой книжки.

– Почему вы спрашиваете? Хотите заказать?

– Я только спросил. Это может быть важно для дела, – промямлил Каллум, заметив усмешку в ее взгляде.

– Дайте подумать.

Отрезав кусочек ржаного хлеба, она намазала его черносмородиновым джемом.

– Если от этого зависит успех нашей попытки забрать Батлерчелли, я должна дать вам точный ответ.

Он фыркнул.

Она мечтательно вздохнула:

– Ответ у меня есть.

Кажется, сама того не сознавая, она протянула ему хлеб с джемом.

– Когда мне было шесть лет, отец повез нас с братом к морю. Тогда брату исполнилось восемнадцать, и он был удивительно терпелив со мной.

Однажды мы несколько часов собирали устриц, мидий, маленьких креветок и береговичков, потом опустили их в горшок с кипящей соленой водой, сварили на костре из плавника и съели такими горячими, что обожгли пальцы. На следующий день оказалось, что я обгорела и стерла ноги, но, поверьте, оно того стоило! Ничего вкуснее я в жизни не ела! – Она рассмеялась: – Только, боюсь, ответ куда длиннее, чем вы ожидали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.